

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

Оглавление

Политическая война	2
Политическая борьба после смерти Сталина.	
Свержение Берии (Продолжение)	3
Павел I как субъект политической войны	144
О военном перевороте 1976 года в Аргентине	
	190

Политическая война

Политическая борьба после смерти Стали- на. Свержение Берии (Продолжение)

Анализ государственных переворотов и заговоров является очень сложной задачей, так как те, кто в результате приходит к власти, пытаются максимально скрыть истинные цели и методы переворота, реальные роли заговорщиков, а также причины участия каждого из них в заговоре

Молотов, Сталин, Каганович

Похороны Сталина - в почётном карауле
Ворошилов, Берия и Маленков, 1953 год

Берия, Ворошилов и Хрущёв на похоронах
Сталина

Вальтер Ульбрихт с рабочими. ГДР, 1952 г.

Берлин, июнь 1953 года

Никита Хрущёв и Вальтер Ульбрихт

Сергей Арсеньевич Гоглидзе

Матьяш Ракоши

Имре Надь, 1942 год

Иосип Броз Тито в июне 1944 года

Никита Хрущёв

Вячеслав Молотов

Николай Александрович Булганин

Лазарь Моисеевич Каганович

Сергей Никифорович Круглов

Иван Александрович Серов, 1956

Никита Хрущёв, Николай Булганин, Георгий Маленков, Лазарь Каганович, Михаил Суслов на подмосковной даче

Георгий Константинович Жуков

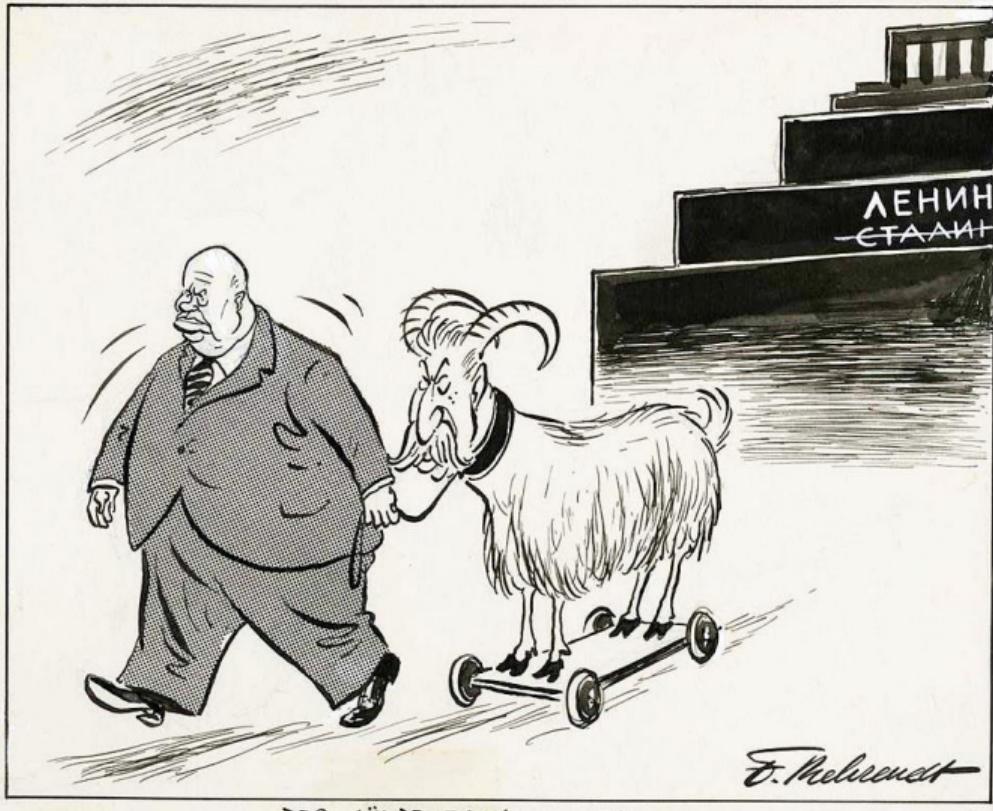
Кирилл Семёнович Москаленко

Борис Львович Ванников

Роман Андреевич Руденко

DER SÜNDENBOCK VOM STALL...

Козёл отпущения из кремлёвского стойла (1961 год) — карикатура из нидерландской прессы

Николай Булганин, Лазарь Каганович, Михаил Первухин, Никита Хрущёв, Михаил Суслов

В одно время с проведением амнистии, которая смягчала наказание осуждённым, но не ставила под сомнение законность приговора, Берия начал проводить реабилитацию незаконно осуждённых, а также останавливать громкие политические процессы, которые начались при Сталине. В частности, в МВД были созданы специ-

альные группы для проверки и пересмотра «дела врачей», «мингрельского дела», «дела МГБ» и других. Уже в апреле 1953 года вышли Постановления «О фальсификации дела в так называемой мингрельской группе», о реабилитации и отмене приговора по «делу врачей» и «делу авиапрома». Касательно «дела врачей» Берия подал в Президиум ЦК записку «О привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в убийстве С.М. Михоэлса и В.И. Голубева», в которой утверждал, что подлинными организаторами убийства являются Сталин, Абакумов, Огольцова и Цанаева. Ряд исследователей, например Прудникова, считают эту записку поздней фальсификацией, направленной против Берии.

Павел Судоплатов отмечает, что Хрущёв как минимум помог Берии в прекращении «мингрельского дела», проведя это решение через ЦК. Как уже упоминалось выше, «мингрельское дело», начатое в ноябре 1951 года, было направ-

лено против Берии. Судоплатов свидетельствует, что Берия лично отправился в Тбилиси после того, как с грузинской партийной организации было снято обвинение в национализме.

Юрий Жуков отмечает, что, проводя реабилитацию в отношении сотрудников МГБ, Берия руководствовался не столько принципом справедливости, сколько принципом политической целесообразности: реабилитацию и восстановление в звании получали те, кого Берия хорошо знал по совместной работе, то есть те, на кого Берия мог полностью положиться. При этом в тюрьме оставался, например, бывший министр госбезопасности Абакумов. Берия также отправил в тюрьму в марте 1953 года бывшего заместителя министра госбезопасности Рюмина, который был одним из инициаторов «дела врачей» и который способствовал падению Абакумова. Юрий Жуков считает, что Берия планировал через обвинения Абакумова и Рюмина в фальсификации «дела врачей» и «мингрельского дела» снять с себя все

подозрения к причастности к этим делам. А основания для таких подозрений, как считает Жуков, имелись. Более того, начав расследование в отношении Рюмина о фальсификации политических дел, Берия выходил на непосредственного начальника Рюмина — Игнатьева, бывшего министра государственной безопасности, при котором раскручивалось «дело врачей» и «мингрельское дело».

В апреле 1953 года Берия смог привести соответствующие факты, чтобы провести через ЦК решение об освобождении Игнатьева от обязанностей секретаря ЦК, а затем о выведении его из членов ЦК *«в связи с выявленными новыми обстоятельствами неправильного и нечестного поведения бывшего министра госбезопасности... скрывшего от Правительства ряд важных государственных документов»*. Более того, 25 июня, за день до своего ареста, Берия направил Маленкову материалы допроса Рюмина, из которых следовало, что Игнатьев непосред-

ственno виновен в фальсификации политических дел, причём не только «дела врачей», но и «ленинградского дела». Юрий Жуков и Рудольф Пихоя отмечают, что Маленков был одним из инициаторов «ленинградского дела» и поэтому имел все основания опасаться после ареста Игнатьева, что тот даст показания на Маленкова.

Интересно отметить, что действия Берии по разоблачению политических дел и преступлений в МГБ получали одобрение в Президиуме ЦК и в самом ЦК. Это может свидетельствовать о том, что как минимум большинство членов Президиума не были на тот момент (апрель 1953 года) против Берии. Юрий Жуков, в частности, утверждает, что Хрущёв, выбирая между Маленковым и Берией как наиболее вероятными кандидатами на единоличную власть, до последнего дня делал выбор в пользу Берии.

Касаясь темы реабилитации, необходимо также отметить ещё несколько фактов. Возглавив МВД и получив доступ к делам, которые касались

политических репрессий, Берия издал постановление, в котором поручил рассылать результаты проверки этих дел в первичные партийные организации, а также старался максимальным образом освещать деятельность МВД по реабилитации в печати. Такая «просветительская» политика приносила свои плоды — она формировала соответствующее восприятие Берии как в народе, так и в партийном и государственном аппаратах. Например, в своей книге «КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы» Леонид Млечин пишет о том, как трижды Герой Социалистического Труда академик Зельдович, узнав об освобождении врачей, реабилитированных Берией, с гордостью сказал Сахарову: «А ведь это наш Лаврентий Павлович разобрался».

Ещё одной из инициатив Берии, которую необходимо упомянуть, был запрет носить портреты руководителей партии и правительства на демонстрациях. Как отмечают Пихоя и Сухом-

линов, именно благодаря Берии 9 мая 1953 года Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об оформлении колонн демонстрантов и зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных праздников», которое отменяло существовавшую до этого практику использовать портреты вождей. По мнению исследователей, это решение Берии было направлено против возникновения нового «культы личности» потенциальных претендентов на единоличную власть, особенно тех, кого народ хорошо знал в лицо, — Молотова, Ворошилова, Кагановича и Маленкова. Многие из политических соперников Берии усмотрели в этом подготовку к смене руководства страны.

Таким образом, в середине весны 1953 года сложилась ситуация, при которой Берия, останавливая громкие политические дела и реабилитируя осуждённых, во-первых, закрывал дела, материалы которых явно были направлены против самого Берии (например, «мингрельское де-

ло»). Во-вторых, приобретал имидж «либерализатора» репрессивного аппарата. В-третьих, снимал с себя все подозрения в участии в политических делах (например, в «деле врачей»). В-четвёртых, убирал из своего окружения ненадёжных людей и освобождался от их опеки (например, Рюмина и Игнатьева). В-пятых, используя показания Игнатьева, Берия получал в руки инструмент, с помощью которого мог впоследствии начать атаку на своих политических конкурентов. Наиболее уязвимым при такой стратегии Берии становился Маленков, на которого Берия мог бы потенциально начать атаку через Игнатьева и обвинить в участии в фальсификации политических дел, что означало бы политическую смерть Маленкова.

Внешняя политика

Берия как заместитель Председателя Совета Министров СССР и как член Президиума ЦК

начал активно включаться в принятие политических решений в различных сферах государственной политики, причём и в таких сферах, которые непосредственно не были в его компетенции, — например, в международной политике. При этом шаги, предлагаемые Берией, были направлены на кардинальное изменение политики, проводившейся лидерами СССР прежде.

Одним из главным пунктов позиции Берии во внешней политике было отношение к построению социализма в Германии и странах народной демократии.

Подробная история германского вопроса и вопроса объединения и разделения Германии по итогам Второй мировой войны выходит за рамки данной работы. Однако некоторые события, происходившие незадолго до смерти Сталина, упомянуть всё же необходимо.

В марте 1952 года СССР выпустил «мирную ноту Сталина», в которой всем оккупационным державам (при участии общегерманского прави-

тельства) предлагалось разработать проект мирного договора с Германией. При этом СССР соглашался на объединение двух Германий и даже на существование немецкой армии и военной промышленности при условии внеблокового статуса Германии. Как считают некоторые историки, Сталин был действительно готов пойти на объединение Германии в 1952 году и на ликвидацию ГДР, так как восстановленную и объединённую Германию можно было противопоставить силам Запада и заставить её искать союза с СССР. В итоге Запад отверг предложения Сталина, так как западные политики настаивали на принятии Западной Германии в НАТО. В ответ на такую позицию Запада Политбюро в июле 1952 года приняло окончательное решение о строительстве социализма в ГДР и сняло вопрос об объединении Германий с повестки дня.

Тем не менее, ситуация с построением социализма в ГДР была сложная. У руководства Восточной Германии стоял коммунист левого тол-

ка Вальтер Ульбрихт, который в своей политике ускоренного построения социализма во многом копировал ранний советский опыт: коллективизация, приоритетное развитие тяжёлой промышленности. Внутренняя обстановка в ГДР постепенно начала накаляться. Впервые после смерти Сталина Кремль отреагировал на ситуацию в ГДР 20 апреля 1953 года, когда в Москву был вызван политический советник Советской контрольной комиссии в Германии (СКК) Семёнов.

Вопросом о будущем Германии наиболее активно занимались Берия и Молотов. Молотов к этому времени смог значительно усилить свои позиции в МИДе. Он ввёл на должности своих замов и заведующих отделами наиболее лояльных к нему людей, например, Громыко, а также заменил послов в нескольких странах. Усиление позиций в МИДе, а также политического веса Молотова, одного из старейших членов Политбюро, явно означало, что он собирается претендовать на активное участие в политической жизни СССР.

8 мая 1953 года Молотов направил на имя Маленкова и Хрущёва записку, где резко критиковал выступление Ульбрихта несколькими днями ранее, в котором тот выдвигал тезис о ГДР как о государстве «диктатуры пролетариата».

18 мая Берия подготовил проект постановления Президиума Совета Министров по «Вопросам ГДР», в котором предлагалось Маленкову, Берии, Молотову и Булганину выработать предложения по исправлению политического и экономического положения ГДР. В проекте Берии основной причиной неблагополучного положения ГДР назывался «ошибочный в нынешних условиях курс на строительство социализма, проводимый в ГДР». Такое заявление Берии означало явный откат назад от решения Политбюро в отношении ГДР осенью 1952 года. Интересно также отметить, что проект Постановления Берии завизировали Маленков, Булганин и Хрущёв. Однако против него выступил Молотов, который принципиально изменил текст Постановления, добавив

слово «ускоренный». То есть критиковать предлагалось не сам курс на построение социализма в ГДР, а его «ускоренность». В конце мая 1953 года Президиумом Совета Министров СССР было принято Постановление по Германии, в котором осуждалось ускоренное строительство социализма в ГДР.

Павел Судоплатов, работавший в это время под руководством Берии, отмечает, что в начале мая Берия поручил ему разработать разведывательные мероприятия за рубежом для зондирования западных элит на возможность воссоединения Германии. Судоплатов также пишет, что Берия говорил ему тогда, что объединённая нейтральная Германия под руководством коалиционного правительства укрепит положение СССР в мире и станет своеобразным буфером между США и СССР в Западной Европе. Как отмечает в своих мемуарах Судоплатов, работы по зондажу западных элит по отношению к объединению Германии были остановлены после ареста Берии.

Касательно вопроса о Германии интересно отметить, что Берия также работал над программой реабилитации поволжских немцев, высланных в начале Великой Отечественной войны в спецпоселения.

Алексей Филитов, профессиональный историк в области международных отношений и внешней политики СССР, в своей публикации «СССР и ГДР: год 1953-й» анализирует воспоминания Хрущёва, Молотова, Судоплатова, Микояна, Громыко и Семёнова и архивные документы, рассекреченные после 1991 года. Он приходит к выводу, что после смерти Сталина политика СССР в отношении Германии не была чётко сформулирована и несколько раз принципиально менялась ввиду борьбы в высшем руководстве СССР между позицией Берии, который представлял реформаторов (или «государственников», как утверждает Филитов) и позицией реакционеров или «партаппарата», представлявшейся Молотовым. Впоследствии

главными ревнителями этой позиции стали Хрущёв и Суслов.

В июне 1953 года выступление рабочих ГДР против политики Ульбрихта в Берлине переросли в политическую забастовку по всей стране. В Берлин вначале были отправлены люди Берии, а затем и он сам. Берия потребовал жёсткого наведения порядка. Было введено чрезвычайное положение. В итоге во второй половине июня ситуация полностью нормализовалась. 26 июня, когда ещё не было известно об аресте Берии, в Германии состоялся Пленум Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), на котором упразднялся пост генерального секретаря, который занимал Ульбрихт, и вводилось коллегиальное руководство, при этом недавний берлинский кризис объяснялся «справедливым недовольством рабочих». Однако уже в июле 1953 года состоялся ещё один пленум СЕПГ, на котором все политические противники Ульбрихта были сняты со своих постов, а июньское выступление рабочих уже

называлось «фашистской провокацией, инспирированной Берия и его прихвостнями». Необходимо отметить, что люди Берии — Сергей Гоглидзе и Амаяк Кобулов — в конце июня 1953 года находились в ГДР и, видимо, исполняли стратегию Берии по аппаратному отстранению Ульбрихта от власти, что и произошло 26 июня. 27 июня, после свержения Берии, Сергей Гоглидзе и Амаяк Кобулов были уже арестованы.

Во внешней политике Берия касался не только проблемы построения социализма в Германии, он в целом критиковал политику, проводимую Советом Экономической Взаимопомощи (СЭВ) в странах народной демократии. В своей записке в Президиум Совета Министров от 1 июня 1953 года на имя Маленкова он предлагал ликвидировать СЭВ и Военно-Координационный комитет и создать вместо них единый орган, который бы включал представителей стран народной демократии и СССР. Можно считать, что это было первой попыткой объеди-

нить страны Восточной Европы по модели, которая через два года легла в основу Варшавского Договора.

В этой же записке Берия характеризовал предыдущую политику СССР в отношении стран народной демократии как неправильную, так как она основывалась на недостаточной информированности о политическом и экономическом положении дел в этих странах. Например, Берия критиковал требования Координационного комитета, которые тот предъявлял к промышленности Советского Союза и стран народной демократии. Целью пересмотра политики СССР в отношении этих стран Берия считал более тесную увязку экономики стран народной демократии с экономикой СССР. Анализируя действия и предложения Берии по вопросу СЭВ, можно сделать вывод, что Берия был готов к значительному пересмотру политики СССР в отношении Польши и Чехословакии, особенно в области экономики.

Берия был также сторонником примирения

СССР с Югославией. По свидетельству Судоплатова, именно Берия убедил Маленкова пойти на примирение с Тито. Берия послал в Белград своего представителя, полковника Федосеева, чтобы тот установил контакт с югославским руководством и намекнул ему о новом курсе СССР на сближение. 6 июня 1953 года Совет Министров СССР и Президиум ЦК КПСС выступили с предложением Югославии обменяться послами.

Ещё одной страной, в отношении которой Берия повлиял на внешнюю политику СССР, была Венгрия. Берия, по свидетельству Судоплатова, планировал поставить на пост премьер-министра вместо Матьяша Ракоши Имре Надя, который с 30-х годов являлся агентом НКВД. Надя занял пост главы правительства 27 июня и сразу взял курс на либерализацию в политике и экономике. В апреле 1955 он был смешён с поста премьер-министра, а в 1956 году возглавил антисоветский мятеж в Венгрии, который удалось

подавить только вводом советских войск. Нельзя не отметить, что Берия, выдвигая Надя на пост премьера Венгрии, прекрасно понимал, какие действия в экономике и политике он предпримет, придя к власти. Значит, эти действия прекрасно вписывались в видение Берии в отношении стран народной демократии.

Также интересно отметить, что на Пленуме ЦК КПСС 2–7 июля 1953 года, на котором состоялась политическая расправа над арестованным на тот момент Берией, Хрущёв вменял Берии в вину разговор с Ракоши, в котором на вопрос Ракоши о разделении власти в СССР Берия якобы заявил, что решения должен принимать Совет Министров, а ЦК должен заниматься только кадрами и пропагандой. Никаких подтверждений подобным высказываниям Берии, кроме слов Хрущёва на Пленуме, найти не удалось.

Однако необходимо заметить, что в руководстве страны в период с марта по июнь 1953 года действительно обсуждалась идея разделения

партийного и государственного аппарата. Одним из свидетельств этого является статья «Совершенствовать работу государственного аппарата» от 8 мая 1953 года на первой полосе в «Правде». В ней, в частности, подвергались критике партийные комитеты, которые «подменяют и обезличивают советские органы, работают за них» и «берут на себя несвойственные им административно-распорядительные функции».

Описывая участие Берии во внешней политике, необходимо также обратить внимание на тот факт, что в марте 1953 года Берия созвал совещание резидентов и сотрудников внешней разведки, на котором начал свёртывать разведывательную деятельность советской внешней разведки на территории стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Свои действия Берия обосновывал решением Политбюро и Совета Министров СССР от 13 апреля 1950 года, в котором было предписано прекратить разведку в странах Во-

сточной Европы, «исходя из единства политических целей и задач, а также взаимного доверия между СССР и странами народной демократии». Берия также приказал сократить аппараты МВД СССР при органах государственной безопасности в этих странах. Более того, Берия заменил всех руководителей представительств МВД СССР в странах народной демократии.

Анализируя участие Берии во внешнеполитических решениях СССР, можно точно сказать, что, во-первых, Берия очень активно включился в обсуждение и решение соответствующих вопросов. Во-вторых, политика Берии в отношении стран «народной демократии» явно была направлена на послабление или даже смену прежнего политического и экономического курса в сторону либерализации в этих странах. Берия хотел пойти на объединение Германии на определённых условиях (внеблоковый статус и компенсация СССР) для того, чтобы использовать объединённую Германию как буфер между СССР и США и,

возможно, затем включить Германию в политическую орбиту СССР. Учитывая неоформленность новой внешней политики СССР после смерти Сталина, Берия, проявив инициативу, судя по документам, получал вначале явное одобрение Маленкова и Хрущёва. Однако затем он встретил сопротивление со стороны Молотова, особенно по вопросу ГДР. Инициативы Берии в отношении Польши, Чехословакии, Венгрии и Совета Экономической Взаимопомощи, вероятно, только усилили расхождение позиций Молотова и Берии.

Национальный вопрос

Так же решительно, как и во внешнеполитические дела, Берия начал вмешиваться и в политику по делам национальностей. Берияставил своей целью «кореннизацию» населения советских национальных республик. В частности, он предполагал отменить институт вторых секретарей, которые во всех республиках были русски-

ми по национальности и назначались из Москвы, а также перевести всё делопроизводство в республиках на национальные языки. Под давлением Берии Президиум ЦК КПСС 26 мая 1953 года принял два секретных Постановления ЦК по национальным вопросам «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украины» и «О положении в Литовской ССР», в которых критиковалась работа советской власти в отношении коренного населения в этих республиках.

Павел Судоплатов, работавший в то время под начальством Берии и готовивший докладные записки, данные из которых Берия впоследствии использовал для принятия упомянутых выше Постановлений ЦК, в своих мемуарах подробно описывает отношение Берии к национальному вопросу: «Берия всячески настаивал на развитии национальных традиций в области культуры и языка. В частности, его заботила проблема воспитания нового поколе-

ния национальной интеллигенции, для которой были бы по-настоящему близки социалистические идеалы. Помню предложение Берии ввести в республиках собственные ордена и награды — это, считал он, поднимет чувство национальной гордости».

Своё видение национальной политики Берия также реализовывал в республиканских МВД. В Белоруссии министром МВД и его замами вместо русских по национальности были назначены белорусы. На Украине министром МВД стал Мешик, украинец по национальности, который на заседании украинского ЦК, на котором было принято говорить по-русски, обратился ко всем присутствующим на украинском языке, а шокированным русским порекомендовал учить украинский язык. Как вспоминает Судоплатов, Мешика на том же заседании ЦК поддержал писатель Александр Корнейчук, который также выступил на украинском языке. Судоплатов, который был лично знаком с Мешиком, также свидетельству-

ет, что Мешик считал шаги Берии в национальном вопросе абсолютно правильными. Интересно также отметить один курьёзный случай, который произошёл с новым министром внутренних дел Литвы (литовцем по национальности), назначенным Берией, который в первое время после своего назначения направил донесение в МВД СССР, в Москву, на литовском языке.

Серго Берия в своих воспоминаниях также упоминает, что его отец обсуждал с Жуковым возможность создания национальных армейских соединений. Жуков убеждал Берию, что создание подобных воинских образований будет концом и армии, и СССР. На что Берия возражал: «*Мы должны подвести всю структуру государства к тому, чтобы остаться едиными для внешних систем, но не давить на республики*». В итоге национальные части Берии создать не дали.

Анализируя действия Берии по отношению к национальному вопросу, можно твёрдо ска-

зать, что они были нацелены на глобальное изменение существовавшей до этого национальной политики. Как отмечает Юрий Жуков, Сталин уже в 30-е годы ставил своей целью создание «единой советской нации». Для этого, например, вводилось преподавание русского языка во всех школах национальных республик. Появление института вторых секретарей — русских по национальности — было также идеей Сталина. Однако возникновение ООН, большинство в которой имел проамериканский блок, заставило руководство СССР пойти на изменение национальной политики, чтобы хотя бы формально придать национальным республикам больший статус в составе СССР, чтобы затем также включить их в ООН. Так, в январе 1944 года в каждой республике были созданы наркоматы внутренних дел и обороны. Как отмечает Юрий Жуков, усиление роли националистических влияний заставило Сталина отказаться в первое послевоенное время от значительного ослабления роли партии и от-

деления её от государства, так как только партия как центростремительная сила могла противостоять ожившим националистическим центробежным тенденциям. По мнению Юрия Жукова, Маленков и Молотов с 1951 года начали наступление на республиканские партийные организации и стремились усилить роль союзных министерств.

Таким образом, политика Берии в отношении национальных республик была полностью противоположна политике, проводимой в последние годы жизни Сталина, а также видению национального устройства СССР Молотовым и Маленковым, которые стремились постепенно добиться ликвидации суверенности союзных республик.

Глава III — Технология и ход переворота

Предпосылки к сговору против Берии

Как уже отмечалось, после смерти Сталина в марте 1953 года в СССР сложилось «коллективное руководство», в основе которого лежала не общность целей и средств развития страны, а минимальный достаточный компромисс между претендентами на единоличную власть в СССР. Наиболее влиятельными политическими фигурами в это время стали Маленков, Берия, Хрущёв, Булганин и Молотов. Маленков и Берия считались наиболее вероятными лидерами, при этом позиции Маленкова как председателя Совета Министров СССР были наиболее сильными.

Борьба за власть внутри коллективного руководства впервые проявилась через несколько дней после смерти Сталина, а именно 14 марта 1953 года, на внеочередном Пленуме ЦК КПСС.

Тогда, как уже объяснялось выше, вероятнее всего произошёл сговор Берии, Хрущёва и Молотова против Маленкова, чтобы вынудить его оставить пост секретаря ЦК и «сконцентрироваться» на работе Правительства.

Анализируя этот факт, а также дальнейшее развитие событий в СССР, можно сделать вывод, что коллективное руководство было очень неустойчивым и в момент сильного усиления одного из его участников другие начинали кооптироваться против него с целью сбалансировать его влияние.

Анализируя действия и позиции Берии в период с марта по июнь 1953 года, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, изначальные политические позиции Берии уступали позициям Маленкова.

Во-вторых, Берия имел свою политическую программу развития СССР во внешней и внутренней политике, которую очень действительно претворял в жизнь, при этом активно вмешива-

ясь в некоторые области политики СССР, которые не входили в зону его персональной ответственности. Его программа носила черты либерализации силового аппарата СССР, политической и экономической либерализации в странах народной демократии, идею (или очередную попытку) объединения Германии и кардинального пересмотра национального вопроса СССР в сторону большей свободы национальных республик. Внешняя и внутренняя политика, которую начал проводить Берия, шла полностью наперекор видению Молотова и Маленкова. Они были сторонниками «унитарного» советского государства и не были готовы пойти на полное сворачивание курса на строительство социализма в Германии и странах Восточной Европы.

В-третьих, расследование Берией фальсификаций в «ленинградском деле» и «деле Ерейского антифашистского комитета», а также намерение арестовать Игнатьева ставили, в первую очередь Маленкова, который был явно прича-

стен к этим политическим делам, в очень незащищённую позицию, при которой он мог быть впоследствии либо обвинён в непосредственном участии в фальсификации политических дел, либо попасть в сильную политическую зависимость от Берии.

Если бы в схватке с Маленковым Берия одержал победу, то он бы занял лидирующую позицию в коллективном руководстве и смог бы гораздо проще «продавить», отстоять свою политику в национальном вопросе и вопросе построения социализма в странах народной демократии.

Таким образом, можно сказать, что Маленков и Молотов ощущали угрозу не просто усиления Берии, а проведения в жизнь такой политики СССР, которая, по их мнению, не была совместима с развитием страны, каким они его себе представляли. Поэтому Маленков и Молотов вполне могли сконцентрироваться, чтобы блокировать политику Берии, причём блокировать не просто тактически (отдельные решения), а стратегиче-

ски. «Стратегически» в данном случае означало бы лишение Берии возможности влиять на политику развития СССР на высшем уровне, а также прекращение «дела о фальсификациях» в отношении Рюмина и Игнатьева. Очевидной составляющей «стратегического решения» являлась отставка Берии с позиции министра МВД и заместителя Председателя Совета Министров.

В итоге можно предположить, что основным заговорщиком против Берии был Маленков, к которому по идеологическим соображениям присоединился Молотов. Изначальной целью заговора было смещение Берии с поста министра внутренних дел.

Однако для реализации подобного плана необходимо было выполнение как минимум ещё трёх условий. Первое и самое главное — это поддержка партийного аппарата. Второе — это силовой компонент, так как МВД имело в своём подчинении собственные вооружённые дивизии, которые могли быть использованы для подавления

заговора против шефа МВД. И третье — это большинство голосов в Совете Министров и Президиуме ЦК, без которого любая инициатива о смещении Берии была бы не просто проиграна, но и обращена против самих же заговорщиков.

Что касается вопроса о роли партаппарата, можно с уверенностью сказать, что Маленков был сторонником отделения партии от государства. Сталин в последние годы (или даже десятилетия, как отмечает Юрий Жуков) проводил политику ослабления роли партии в СССР и смещения центра власти к государственному аппарату. Маленков активно участвовал в реализации такой политики ещё при жизни Сталина и продолжал проводить её в жизнь, став Председателем Совета Министров. Свидетельством этому, например, является упомянутая в предыдущей главе статья от 8 мая 1953 года в «Правде», которая критиковала партийные органы за попытку вмешательства в административно-хозяйственные функции государства. Такая статья появиться без

прямого участия Маленкова просто не могла. Другим свидетельством такого намерения Маленкова, как уже отмечалось ранее, являлся отказ от увеличения доплаты в конвертах для партийных чиновников (это решение было позже отменено Хрущёвым). Ну и, наконец, третьим свидетельством того, что после смерти Сталина роль партии была ниже роли государственного аппарата и такую расстановку сил не планировали в скором времени изменять, является то, что Маленков, столкнувшись с мини-заговором против себя 14 марта 1953 года, выбрал именно пост Председателя Совета Министров, а не роль секретаря ЦК.

Однако необходимость отставки Берии требовала, чтобы Маленков в той или иной мере опёрся на партаппарат. Если бы он этого не сделал, то у Берии был бы шанс попытаться самому в момент заговора или позже, на Пленуме, найти поддержку у членов ЦК. Кроме того, Маленков бросал вызов не просто Берии, но и

МВД, поэтому власти только госаппарата могло не хватить для укрощения силового министерства, что означало возможность реванша со стороны силовиков. Поэтому для окончательной победы над Берией Маленкову пришлось, вовлекая партию в заговор, пойти на усиление её роли. Поэтому, вероятно, Маленков явно одобрил последовавшее выступление Хрущёва на Пленуме 2–7 июля, в котором Хрущёв упомянул высказывание Берии, что решения должен принимать Совет Министров, а ЦК должен заниматься только кадрами и пропагандой. Как будет показано в дальнейшем, начавшийся рост влияния партии позволил Хрущёву позже победить сначала Маленкова, а затем Молотова, Булганина и Кагановича.

Относительно мнения Берии о роли партии необходимо заметить, что нет явных документов, которые бы неопровержимо доказывали, что Берия хотел отстранения партии от власти. И хотя подобные намерения ставились Берии в ви-

ну на Пленуме 2–7 июля, в частности Хрущёвым, подтверждение слов Хрущёва найти не удалось. При этом нужно заметить, что Берия с 1938 года был занят на государственных постах в НКВД и ГКО, а как член Политбюро курировал отрасли оборонной промышленности, связанные с разработкой ядерного оружия и ракетной техники. Таким образом, прямой политической опоры на партаппарат он не имел и был больше связан с «государственниками», а учитывая тот факт, что с марта по июнь 1953 года Берия никоим образом ни в речах, ни в записках в Президиум Совета Министров или Президиум ЦК не пытался поставить вопрос об увеличении роли партии, можно предположить, что он как минимум не был против того курса, который в отношении партии проводил Маленков. Можно также отметить, что, например, вопросы внешней политики Берия вносил на рассмотрение Президиума Совета Министров, а не Президиума ЦК. А значит, явно считал, что Совмин важнее ЦК.

Интересно заметить, что при такой позиции Берии к роли партии его национальная политика заключалась в передаче большей независимости национальным республикам. А как уже отмечалось ранее, партия после создания ООН как раз и играла роль той центростремительной силы, которая удерживала СССР в рамках де-юре Союза, а де-факто — «унитарного» государства. Соответственно, политика, направленная на увеличение полномочий республик при невмешательстве Берии в политику давления на партию (или при полном согласии Берии с такой политикой), позволяет думать, что Берия имел некий план по изменению формы государственного устройства Советского Союза в сторону более мягкой и децентрализованной федерации.

Следующим важным пунктом анализа является выяснение политической позиции Хрущёва в отношении тандема Берия–Маленков и оценка его роли в Секретариате ЦК.

В марте–июне 1953 года политические пози-

ции Хрущёва были гораздо слабее, чем у Маленкова и Берии. Он был одним из четырёх секретарей ЦК. После ухода Маленкова с поста секретаря ЦК 14 марта 1953 года Хрущёв стал председательствовать на заседаниях ЦК, не являясь официально первым секретарём. При этом два других секретаря ЦК — Поспелов и Шаталин — были людьми, связанными с Маленковым. Оценивая непосредственно политическую позицию Хрущёва, исследователи и свидетели той эпохи высказывают совершенно разные мнения. Серго Берия в своих мемуарах упоминает о дружбе (не только личной, но и политической) между Берией, Маленковым и Хрущёвым. Елена Прудникова считает, что Хрущёв изначально был против Берии. По её мнению, именно Хрущёв являлся центром заговора. Так же считает и Андрей Сухомлинов. Юрий Жуков, наоборот, полагает, что Хрущёв, проявляя политическую симпатию одновременно и к Маленкову, и к Берии, до последнего момента сторонился делать окон-

чательный политический выбор между ними, однако в итоге 16 апреля 1953 года встал на сторону Берии. Павел Судоплатов также считает, что Хрущёв, маневрируя между различными центрами сил в высшем руководстве СССР, политически больше тяготел именно к Берии и поддерживал его.

Маленков и Молотов смогли каким-то образом привлечь на свою сторону Хрущёва. Вероятнее всего, пользуясь отсутствием Берии в Москве в июне 1953 года, они могли поставить Хрущёва перед выбором: присоединиться к ним или оказаться вместе с Берией «отрешённым от власти». Причём такая угроза явно имела под собой основания: Маленков имел наиболее сильные политические позиции в стране, причём позиции Маленкова были так же сильны и в Секретариате ЦК, а значит, в случае несогласия Хрущёва с заговорщиками Поспелов и Шаталин могли попытаться заручиться большинством в ЦК и без Хрущёва. Конечно, такой вариант развития событий был

гораздо опаснее для Маленкова, но он, однако, должен был демонстрировать Хрущёву, что его шансы противостоять заговорщикам очень малы и грозят ему полным политических крахом. Кроме того, Берия не осуществлял никакой подготовки к захвату власти (помимо подготовки к аресту Игнатьева), что будет подтверждено в результате анализа «дела Берии» ниже. Соответственно, Хрущёву для политического выживания было гораздо выгоднее присоединиться к заговору, чем оказаться в одиночестве, организуя контрудар. Также можно думать, что Хрущёв, вероятно, понимал, что Маленкову для борьбы с Берией придётся опереться на партию и усилить её роль, а значит, политический вес Хрущёва возрастёт, что даст ему основания для более активного участия на следующих этапах борьбы за власть.

Описывая механизм привлечения Хрущёва к заговору, интересно отметить свидетельство Дмитрия Суханова, помощника Маленкова, записанные Владимиром Карповым. По свиде-

тельству Суханова, Маленков накануне 26 июня вызвал Хрущёва и Булганина в свой кабинет и предъявил им «доказательства» их участия в заговоре Берии, который, по мнению Суханова, должен был арестовать всех членов Президиума ЦК 26 июня. Как будет показано дальше, никаких доказательств существования заговора Берии в материалах уголовного дела Берии нет, однако возможность привлечения Хрущёва и Булганина к заговору против Берии (в версии помощника Маленкова — очень прямолинейным путём) подтверждается Сухановым.

Следующим компонентом для успешного проведения заговора против Берии являлось привлечение силовиков. Так как МВД, включавшее в себя также и МГБ, было в подчинении Берии, главной альтернативой оставались военные. При этом, как уже отмечалось выше, Серов — заместитель Берии по МВД, был связан с Хрущёвым, а значит, успешное привлечение Хрущёва к заговору могло также помочь

привлечь Серова. По всей видимости, помимо Серова к заговору удалось в итоге привлечь и другого заместителя Берии — Круглова. Круглов и Серов либо явно участвовали в заговоре, либо полностью поддержали его постфактум, так как, во-первых, они не предприняли никаких действий, чтобы противостоять аресту Берии, а по некоторым свидетельствам из мемуаров участников событий, даже помогали арестовывать охрану Берии и отключать связь в его особняке. А, во-вторых, они остались на своих постах после свержения Берии и проводили политику чистки бериевских кадров в МВД.

Среди военных были как люди, близкие Берии (например, командующий войсками Московского округа генерал-полковник Артемьев), так и те, с кем Берия был связан по работе над ядерным и ракетным оружием. Очевидно, что для успешности заговора нужно было, с одной стороны, аккуратно привлекать тех военных (причём из высшего генералитета), кто не вхо-

дил ни в одну из этих групп, а с другой стороны — нейтрализовать возможные действия военных из числа сторонников Берии. Одновременно нужно было по возможности блокировать силовые действия со стороны МВД, в подчинении которого находилось несколько боевых дивизий, расположенных под Москвой.

Наконец, последним пунктом, который определял успешность заговора, было численное превосходство сторонников снятия Берии в Президиуме ЦК, который состоял из десяти человек: Маленкова, Берии, Ворошилова, Хрущёва, Булганина, Кагановича, Сабурова, Первухина, Молотова и Микояна. При учёте поддержки генералитета и партаппарата, а также принимая во внимание существовавшую расстановку политических сил, при которой наиболее влиятельной фигурой был Маленков, достаточно было иметь четырёпять голосов из десяти, чтобы провести решение о снятии Берии. При этом Маленков, Хрущёв и Молотов — это уже три голоса.

Булганин, как отмечают все исследователи, был политически близок к Хрущёву, поэтому занял бы в заговоре такую же позицию, как и он. Позже и на Пленуме ЦК КПСС 2–7 июля, и в своих мемуарах Хрущёв свидетельствовал, что привлекал Булганина к заговору против Берии якобы с самого момента смерти Сталина. Интересно, что Булганин на том же Пленуме подтвердил слова Хрущёва о том, что он и Хрущёв с момента смерти Сталина решили объединяться против Берии. При этом важно отметить, что никакими своими действиями Хрущёв своей вражды к Берии за весь 1953 год не показывал (а по версии Юрия Жукова, даже сделал выбор в пользу него против Маленкова), поэтому слова Хрущёва на Пленуме следует интерпретировать как попытку преувеличить свою истинную роль в заговоре. В своих мемуарах, записанных 70-х годах, Хрущёв также изображает себя главным заговорщиком в деле свержения Берии и описывает, как уговаривал Маленкова разглядеть в Берии врага.

Другой член Президиума ЦК — Сабуров, — как считает Юрий Жуков, своим возвышением на политический олимп был обязан Маленкову, а значит, намерение Маленкова по свержению Берии он бы поддержал. Можно также выдвинуть гипотезу, что Молотов, используя свой авторитет в партии, участвовал в привлечении к заговору «старой гвардии большевиков», а именно — Ворошилова, Кагановича и Микояна.

Таким образом, группу Маленков, Молотов, Хрущёв и Булганин можно считать основными заговорщиками в свержении Берии, из которых главную роль сыграли Маленков и Молотов. При этом в число заговорщиков также входили военные, привлечённые на самом последнем этапе заговора.

Интересно, что исследователи той эпохи выдвигают совершенно разные версии организации заговора против Берии. Юрий Жуков считает, что в июне 1953 года основная борьба происходила между двумя группами:

Маленков–Первухин–Сабуров против Берии–Молотова–Хрущёва–Булганина. По его мнению, Маленков заручился поддержкой Круглова и Серова — заместителей Берии по МВД — и Жукова, а во время отъезда Берии в Берлин Маленков поставил Хрущёву, Булганину и Микояну ультиматум: либо они поддержат позицию Маленкова по смещению Берии, либо Маленков предъявит доказательства их участия в антипартийных действиях совместно с Берией.

Елена Прудникова полагает, что основной фи́гурой в заговоре был Хрущёв, который уговорил Маленкова и военных (через Булганина) свергнуть Берию. Основным мотивом свержения Берии, по мнению Прудниковой, было противодействие намерению Берии отстранить партию от власти. Абдурахман Авторханов выдвигает версию, что Маленков, Хрущёв и Булганин были основными заговорщиками, так как были против попытки Берии «уничтожить сталинскую систему власти» через проводившуюся Берией

«десталинизацию политической жизни», изменение национальной политики и попытки перемещения власти от партийного аппарата к государственному.

Подготовка к сговору против Берии

Итак, группа заговорщиков в составе Маленкова и Молотова сложилась, вероятно, уже к концу мая, когда стали понятны дальнейшие шаги Берии в национальной политике и в вопросе о странах народной демократии. В то же время Маленков понимал, что Рюмин даёт в МВД показания, которые неуклонно вели к аресту Игнатьева, а его арест и показания, в свою очередь, могли в скором времени привести к краху Маленкова (причём вне зависимости от того, кто бы стал новым министром внутренних дел после Берии). Поэтому, начиная с конца мая, заговорщикам было необходимо использовать любую возможность для свержения Берии. Такая

возможность вскоре представилась — отъезд Берии в Берлин 18 июня 1953 года для подавления там антисоветских выступлений. Вернулся Берия из Берлина через неделю, 25 июня. Видимо, в течение этой недели к заговору привлекли Хрущёва, а через него — Булганина.

Перед Булганиным как министром обороны и Хрущёвым как секретарём ЦК была поставлена задача по привлечению к заговору военных, которые должны были блокировать дивизии МВД, расположенные под Москвой, и предотвратить попытку отбить Берию силами Министерства внутренних дел. А вариант вмешательства частей МВД исключать было нельзя, так как было очевидно, что вслед за Берией своих чинов, званий и даже свободы лишатся многие силовики, единственным шансом на спасение которых будет попытка отбить Берию и «раскрыть» заговор против него.

Булганин привлёк к участию в заговоре маршала Жукова. В своих воспоминаниях, часть

из которых была издана в книге «Берия: конец карьеры» под редакцией Владимира Некрасова, Жуков утверждает, что Булганин вызвал его 26 июня в Кремль, незадолго до проведения Президиума ЦК, и в присутствии Маленкова, Молотова, Микояна и «других членов Президиума» поставил задачу ареста Берии. Жуков должен был вместе с Москаленко, Неделиным, Батицким и адъютантом Москаленко дожидаться условного сигнала в комнате помощника Маленкова, в то время как в кабинете Маленкова проходило заседание Президиума ЦК.

В этом же сборнике Некрасова опубликованы воспоминания генерала Москаленко. Согласно им, Хрущёв вызвал Москаленко в Кремль и приказал явиться с оружием (что являлось крайним нарушением пропускного режима Кремля, о чём не мог не знать Москаленко). Позже Булганин, позвонив Москаленко, подтвердил приказ, исходивший от Хрущёва, секретаря ЦК. По описанию Москаленко, Булганин провёз его в Кремль в сво-

ей машине, которая не подлежала досмотру, что позволило им провезти в Кремль оружие. Далее Москаленко описывает, что на другой машине в Кремль приехали Жуков, Брежнев, Шатилов, Неделин, Гетман и Пронин. Все вместе они собрались перед кабинетом Маленкова, где перед ними выступили Хрущёв, Булганин, Маленков и Молотов, которые объявили, что им предстоит через несколько часов арестовать Берии на заседании Президиума ЦК.

Жукову и Москаленко была поставлена задача ввести войска в Москву, чтобы блокировать возможные действия со стороны Внутренних войск. При этом оставалась опасность того, что командиры дивизий могли не выполнить приказ или выполнить его в неполном объеме, учитывая тот факт, что приказ о вводе войск в Москву и возможных столкновениях с дивизиями МВД, вероятнее всего, был отдан устно. Еще одной проблемой, которую необходимо было решить, была нейтрализация военных, кото-

рые могли выступить в защиту Берии. В первую очередь следовало решить вопрос с командующим войсками Московского военного округа генерал-полковником Павлом Артемьевым, который до армии работал в системе МВД–НКВД и в конце 30-х годов был командиром дивизии Дзержинского.

В итоге для решения обеих проблем с 26 июня под Тверью (180 км от Москвы) были организованы командно-штабные учения Московского военного округа (МВО). Таким образом, и командующий МВО Артемьев, и командиры Кантемировской и Таманской дивизий были под официальным предлогом устраниены из Москвы. По мнению Андрея Сухомлина, это позволило Булганину впоследствии отдавать приказы (вероятнее всего, устные) о вводе войск в Москву не непосредственным командирам этих дивизий, а их заместителям, которые по определению должны были задавать меньше вопросов по поводу приказа министра обороны. Забегая вперёд,

можно сказать, что Артемьев, узнав о том, что 26 июня в Москву введены войска, вернулся к утру 27 июня, однако его уже не пустили в штаб МВО, так как он был снят с должности.

Итак, заговор был технически полностью готов к 26 июня 1953 года. Именно на этот день было назначено заседание Президиума Совета Министров СССР, на котором должен был присутствовать Берия, только что вернувшийся из Берлина.

Арест 26 июня

26 июня 1953 года вместо запланированного заседания Президиума Совета Министров, на котором, по воспоминаниям Серго Берия, должно было обсуждаться дело товарища Игнатьева, состоялось заседание Президиума ЦК. Что в действительности происходило на том заседании, точно не известно, так как стенограмма не велась, а участники заседания и лица, которые бы-

ли свидетелями ареста Берии или участвовали в нём, оставили очень разные воспоминания, которые часто противоречат друг другу. Со слов Хрущёва, Маленков открыл заседание и предложил обсудить важные партийные вопросы, после чего Хрущёв выступил с большой критикой Берии и предложил вывести его из партии. Маленков при этом, по словам Хрущёва, пребывал в растерянности и даже не поставил вопрос на голосование, а просто нажал секретную кнопку и вызвал в зал заседания военных, которые арестовали Берию.

По словам Дмитрия Суханова, помощника Маленкова, которые приводит в своей книге Владимир Карпов, первым на заседании выступил Маленков и сразу же поставил вопрос об аресте Берии. «За» проголосовали только Маленков, Первухин и Сабуров, «против» — Молотов, Ворошилов и Каганович, а Хрущёв, Булганин и Микоян воздержались. После этого, по сигналу Маленкова, вошли военные, при которых все единоглас-

но проголосовали за арест Берии. При этом, как утверждает Суханов, Жуков предложил Маленкову арестовать и Хрущёва с Булганиным — как людей, бывших в сговоре с Берией. Суханов также добавляет, что в кабинете Берии (не уточняется, в каком именно, но, видимо, в кремлёвском) был позже найден листок, на котором было написано слово «Тревога» (этот лист впоследствии оказался у Суханова), и, по словам Суханова, Берия на следствии признался, что это было предупреждение от Хрущёва и Булганина, которые участвовали в заговоре Берии против Маленкова.

Версия, изложенная Сухановым, кажется странной по двум причинам. Во-первых, Андрей Сухомлинов, который в 2000 году был в составе комиссии по реабилитации Берии и ознакомился со всеми материалами 45 томов уголовного дела, не сообщает ни о каких признательных показаниях Берии об участии Хрущёва и Булганина в заговоре вместе с Берией. Во-вторых, Хрущёв

и Булганин, если они хотели предупредить Берию и любым способом избежать его ареста, могли бы избрать и более тонкий ход, чтобы его проинформировать.

Ещё одним важным свидетелем тех событий является Молотов. В своих воспоминаниях, записанных Феликсом Чуевым, Молотов отводит Хрущёву главную роль в организации заговора против Берии, при этом именно Хрущёв, по словам Молотова, привлёк самого Молотова к заговору. Хрущёв и Молотов изначально хотели просто снять и исключить Берию из состава Президиума ЦК, а уже непосредственно перед самым заседанием приняли решение о его аресте. При этом интересно отметить, что Молотов в своих воспоминаниях уточняет, что после открытия заседания он выступал с обвинениями в адрес Берии в числе первых, сам Берия тоже получил слово и защищался, а в конце заседания просил, чтобы его не исключали из Партии.

Интересным для анализа документом явля-

ется черновая записка, найденная в архиве Маленкова. В ней излагается критика Берии и предлагается снять его с поста министра внутренних дел, вместо него назначить Круглова, а Берию назначить министром нефтяной промышленности. На документе есть приписка: «*Из архива Маленкова по описи №179*».

Ещё одно свидетельство о существовании плана назначении Берии министром нефтяной промышленности приводит в своих мемуарах Анастас Микоян. Он вспоминает, что именно Хрущёв привлекал его к заговору против Берии 26 июня по дороге в Кремль (их дачи были недалеко друг от друга). По свидетельству Микояна, Хрущёв сказал, что он уже переговорил с Маленковым и Молотовым и они приняли решение снять Берию с поста министра внутренних дел и назначить его министром нефтяной промышленности. Эти два свидетельства позволяют сделать предположение, что у заговорщиков была программа-минимум, которая заклю-

чалась в отстранении Берии с поста министра внутренних дел и поста заместителя Председателя Совета Министров, де-факто — в устраниении от высшей политической власти. Однако что-то пошло не так, и была задействована программа максимум, которая включала арест Берии военными, суд и расстрел. Либо Берия 26 июня, когда получил слово, начал угрожать своим политическим противникам и просто так сдавать политические позиции не захотел, либо ещё до заседания Президиума ЦК 26 июня 1953 года Берия был убит. Эта версия будет подробно рассмотрена ниже.

Очень интересны воспоминания маршала Жукова о тех событиях. Необходимо отметить, что в самих мемуарах, которые вышли отдельной книгой при жизни Жукова, нет упоминания о его участии в аресте Берии. Мемуары посвящены в основном Великой Отечественной войне. Однако в других книгах, которые вышли после смерти Жукова, приводятся рассказы, записан-

ные свидетелями со слов Жукова. В своей книге Владимир Карпов анализирует два рассказа Жукова о тех событиях, изложенные в книгах «Берия: конец карьеры» и «Жуков: полководец и человек» 1988 года. Карпов приходит к выводу, что даже во многих важных деталях о событиях 25 и 26 июня две версии Жукова противоречат друг другу. Например, кто именно отдавал приказ об аресте Берии, где это происходило, как именно происходил арест и так далее.

Итак, согласно мемуарам Жукова, Хрущёва, Молотова, Микояна и Суханова, через несколько часов после начала заседания Берия был арестован военными во главе с Жуковым и Москаленко, которые вошли в зал заседания, когда Маленков нажал на секретную кнопку. Арестованного Берию через несколько часов на одной из машин членов Президиума в наручниках и в сопровождении военных вывезли на московскую гарнизонную гауптвахту «Алёшинские казармы». Берию не поместили в тюрьму или

следственный изолятор, потому что заговорщики боялись, что держать его в системе МВД слишком опасно. По воспоминаниям Москаленко, 27 июня на гауптвахту приезжали заместители Берии по МВД Круглов и Серов с целью допросить Берию. Однако Москаленко их не пустил к Берии, сославшись на устный приказ Жукова. В этот же день Берию перевели в бункер при Штабе Московского военного округа, где он пробыл до суда. Во двор, где находился бункер, поставили усиленную охрану, состоявшую из офицеров штаба МВО и четырёх танков.

Юрий Мухин, проанализировав воспоминания Хрущёва, Молотова, Кагановича, Москаленко, Жукова и Суханова и сопоставив факты, изложенные в них, приходит к выводу, что по всем важным деталям ареста Берии 26 июня показания участников событий не совпадают. Мухин полагает, что на самом деле Берия не был арестован 26 июня в Кремле, а участники событий врут о произошедшем. Возможным объяснением та-

кого расхождения в свидетельствах Мухин считает версию, согласно которой Берия был убит 26 июня 1953 года. И хотя фактов, подтверждающих версию об убийстве, меньше, чем фактов в пользу версии об аресте Берии в Кремле, эти факты необходимо также привести.

Другим возможным объяснением принципиальных расхождений в воспоминаниях участников событий является то, что кто-то из них хотел преувеличить свою роль в заговоре, а кто-то — приуменьшить. К тому же, некоторые детали заговора могут изображать заговорщиков в невыгодном свете, поэтому они в своих мемуарах и опускают или перекрывают их.

Версия об убийстве Берии 26 июня

Первым версию об убийстве Лаврентия Павловича Берии в его особняке в Москве 26 июня 1953 года высказал его сын Серго Берия. В своих мемуарах и интервью он приводит следующие

факты.

Заседание Правительства 26 июня отменили, и его отец в этот день был дома. Сам Серго во второй половине дня 26 июня находился в кабинете Бориса Ванникова, руководителя атомного проекта, когда ему позвонил лётчик-испытатель Амет-Хан Султан, с которым он был хорошо знаком по работе, и сообщил, что в доме Лаврентии Берии была перестрелка. Серго Берия и Борис Ванников, приехав к особняку Берии, чтобы выяснить детали произошедшего, обнаружили там БТР и группу военных. При этом один из охранников Лаврентия Берии сообщил Серго, что солдаты после перестрелки вынесли из дома закрытый брезентом труп.

Слова Берии о том, что он и Ванников ездили в тот день домой к Лаврентию Берии, где узнали о вооружённом вторжении, подтверждает генерал Пётр Бургасов, академик Академии медицинских наук СССР, главный государственный санитарный врач СССР в 1965–1986 годы. Он сви-

действует, что видел в тот день, как Серго Берия и Борис Ванников во второй половине дня неожиданно уехали из Кремля. Позже в этот день Бургасов зашёл к Ванникову и спросил о причинах неожиданно отъезда в середине рабочего дня. На что Ванников сообщил Бургасову, что он ездил домой к Лаврентию Берии и стал свидетелем того, что дом окружили военные, стёкла кабинета Берии были разбиты пульами, а сам Берия, по всей видимости, был убит.

Серго Берия в своих мемуарах также приводит ряд свидетельств других лиц, которые якобы подтверждали, что Лаврентий Берия был убит до суда, который состоялся в декабре 1953 года. В частности, слова маршала Жукова: «*Если бы твой отец был жив, я был бы вместе с ним...*», слова Николая Шверника, кандидата в члены Президиума ЦК, который входил в состав специального суда над Берией: «*Могу одно тебе сказать: живым я твоего отца не видел. Понимай, как знаешь, больше ничего не скажу*», слова дру-

гого члена суда над Берией, Михайлова, который во время разговора намекнул Серго Берии, что в зале суда сидел двойник, а не сам Лаврентий Берия.

Юрий Мухин в своей книге «Убийство Сталина и Берия» в подтверждение версии об убийстве приводит слова Николая Байбакова, который был в 1953 году министром нефтяной промышленности и членом ЦК КПСС. По словам Мухина, он был знаком с Байбаковым и в одном из телефонных разговоров в 90-е годы прямо спросил его, знал ли он о том, что во время июльского Пленума ЦК в 1953 году Берия был уже убит. На что Байбаков ответил: *«Нет, я тогда ничего не знал. Но факт в том, что он оказался убитым».*

Ещё одним интересным свидетельством об убийстве Берии в его особняке являются воспоминания генерал-лейтенанта Андрея Веденина, которые были опубликованы в 1997 году в еженедельнике «Неделя» и которые приводит в сво-

ей статье Александр Кочуков. По свидетельству Веденина, Круглов (заместитель Берии по МВД) приехал на армейскую базу (скорее всего, 27-го гвардейского стрелкового корпуса) в первых числах июня и поставил задачу на проработку варианта ликвидации Берии. В течение следующих нескольких недель группе, в которой состоял Веденин, поступали агентурные материалы на Берию. Было разработано несколько сценариев ликвидации: «Автокатастрофа», «Особняк». В итоге рано утром 26 июня группа получила приказ на ликвидацию Берии в его особняке в Москве. В тот день Круглов позвонил Берии и договорился о том, что ему привезут секретные документы, которые будет сопровождать вооружённая охрана из трёх человек. Под видом охраны группа ликвидаторов была пропущена в дом Берии, где и совершила его убийство.

Как видно из всех приведённых свидетельств, версия об убийстве Берии 26 июня 1953 года в его особняке тоже имеет право на существование.

ние. Следуя логике этой версии, в заговоре против Берии участвовали военные и заместитель Берии по МВД Круглов, которые были привлечены основной группой заговорщиков в начале июня 1953 года. Как будет показано ниже, материалы уголовного дела над Берией также вызывают много вопросов и могут являться косвенными подтверждениями того, что 26 июня 1953 года Берия был убит.

Однако даже среди исследователей и свидетелей той эпохи нет однозначного мнения на счёт версии об убийстве Берии 26 июня. Елена Прудникова, Юрий Мухин, Абдурахман Авторханов и Арсен Мартиросян считают, что Берия действительно был убит в тот день. Юрий Жуков, Андрей Сухомлинов и Павел Судоплатов придерживаются позиции, что Берия был арестован.

Первые действия заговорщиков после ареста Берии

Ещё до ареста Берии у него на даче была отключена вся связь. Как отмечает Сухомлинов, заместитель Берии по МВД Серов руководил 26 июня операцией по изолированию охраны Берии и выключению связи. Также ещё до ареста Берии, в середине дня 26 июня, были подняты по тревоге Кантемировская и Таманская дивизии, командиры которых, как уже отмечалось выше, были в этот день на учениях. Сухомлинов приводит в своей книге воспоминания ветеранов-кантемировцев. В 14 часов 26 июня временно исполняющему обязанности командира Кантемировской дивизии Парамонову позвонил Булганин и, ничего не объясняя, приказал поднять три танковых полка и через 40 минут войти в Москву с полным боекомплектом. Когда части вошли в Москву, один полк занял позицию на Ленинских горах, другой перекрыл Горьков-

ское шоссе, чтобы блокировать внутренние войска, третий полк занял позиции около вокзалов, почты и телеграфа. В это же время девяносто танков Таманской дивизии окружили Кремль и заняли позиции в центре Москвы. В воздух также по тревоге были подняты военно-воздушные силы Московского военного округа. Как отмечает Сухомлинов, командование войсками в Москве велось уже Жуковым и Москаленко. В итоге никакого сопротивления армейские части не встретили и через три дня вернулись на базы.

Таким образом, можно сделать вывод, что первая и самая важная часть плана по ликвидации Берии удалась. Он был арестован и конвоирован на военный объект — московскую гарнизонную гауптвахту «Алёшинские казармы», а действия со стороны его сторонников из МВД и армии были успешно блокированы силами Таманской и Кантемировской дивизий при поддержке войск МВО.

Сразу же после ареста Берии 26 июня изда-

ётся Указ Президиума Верховного Совета СССР «О преступных антигосударственных действиях Берии», который подписывают Председатель Президиума Верховного Совета Ворошилов и секретарь Пегов. В преамбуле документа указано, что Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел сообщение Совета Министров СССР об антигосударственных действиях Берии, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала. Этим Указом Берию лишают всех наград и должностей, снимают со всех постов и лишают полномочий депутата Верховного Совета. В этом Указе от 26 июня дело «о преступных действиях Л.П. Берия» уже предлагается передать на рассмотрение Верховного суда СССР. Как отмечает Сухомлинов, ещё не возбуждено уголовное дело, не начато следствие, а дело уже собирались передавать в Верховный суд.

Вместе с Берией в следующие несколько дней были арестованы несколько человек, ко-

торым позже предъявили обвинения в антигосударственном заговоре: Меркулов, министр государственного контроля СССР, Деканозов, министр внутренних дел Грузинской ССР, Кобулов, заместитель министра внутренних дел СССР, Мешик, министр внутренних дел Украинской ССР, Гоглидзе, начальник 3-го управления МВД СССР, Владзимирский, начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР.

Следующим шагом заговорщиков в политическом уничтожении Берии стала организация следствия. Кандидатура действующего Генерального прокурора Григория Сафонова не устроила заговорщиков, и 29 июня он был заменён Романом Руденко, который до этого занимал пост прокурора УССР. Как отмечают свидетели и исследователи той эпохи, Руденко политически был близок к Хрущёву. Интересно отметить, что в Постановлении Президиума ЦК о назначении Руденко Генеральным прокурором его обязывают приступить к расследованию антипартийной и анти-

государственной деятельности Берия «с учётом данных на заседании Президиума ЦК указаний». Это является явным свидетельством вмешательства заговорщиков в ход расследования «дела Берии».

30 июня Руденко возбуждает уголовное дело, в рамках которого организуется следствие, а 3 июля даёт санкцию на арест Берии. Таким образом, восемь дней (с 26 июня по 3 июля 1953 года) Берия находился под арестом незаконно (это не говоря уже о том, что арестован он был в результате заговора с участием военных).

После того как заговорщики организовали арест Берии и ближайших к нему людей из МВД, они стали проводить политику «чистки» силового министерства. Павел Судоплатов вспоминает, как 27 июня 1953 года в МВД прошло совещание всех руководителей самостоятельных отделов и управлений МВД, на котором председательствовали Круглов и Серов. Они сообщили об аресте Берии и ещё нескольких человек, кото-

рые имели с ним «преступную связь», и обязали сотрудников МВД сообщить Круглову о всех известных провокационных шагах Берии. Впоследствии из МВД стали увольнять всех, кто был в той или иной степени связан с Берией. В частности, тех, кто был арестован по делу Абакумова, но восстановлен Берией в МВД в марте 1953 года. Одновременно с этим в МВД возвращались кадры бывшего министра государственной безопасности Игнатьева, уволенные Берией в марте 1953 года. Руководство МВД подготовило 22 августа 1953 года докладную записку в Президиум ЦК на имя Маленкова и Хрущёва, в которой описывало мероприятия в МВД по «искоренению последствий вражеской деятельности Берия». Со своих должностей были сняты десятки генералов, их заместители и помощники. Часть из них, включая Павла Судоплатова, были сразу же арестованы. Упоминая арест Судоплатова, интересно отметить, что его вызывали на Президиум ЦК, где Маленков, Молотов, Булганин и Хрущёв на-

стойчиво рекомендовали ему клеймить Берии и выставить его единственным организатором политических убийств в СССР и за рубежом. Судоплатов отказался делать это в явной форме, сказав, что Берия действительно давал ему приказы на организацию политических убийств, однако такие же приказы он получал и от других «инстанций», в число которых входили Молотов, Хрущёв и Булганин. Судьба Судоплатова после этого была решена.

Позже, по показаниям арестованных в 1953 году сотрудников МВД, было создано ещё одно уголовное дело — «дело Рапава, Рухадзе и других», по которому проходили бывшие министры госбезопасности Грузии Рапава и Рухадзе, их заместители, а также высшие сотрудники силовых ведомств Грузии. В сентябре 1955 года они были осуждены и почти все расстреляны. Параллельно были созданы и более мелкие дела, обвиняемыми в которых проходили сотни генералов и полковников МГБ–МВД. Как отмечает Сухомлинов,

уголовные дела в МВД тянулись ещё несколько лет, и делалось это умышленно, чтобы ослабить силовое министерство и держать его в постоянном напряжении и под контролем со стороны партии.

Пленум 2–7 июля 1953

После того как заговор был успешно реализован, и началось следствие, заговорщикам было необходимо совершить «политическое убийство» Берии, а именно — созвать срочный Пленум ЦК и объяснить руководству партии, какие конкретные преступления совершил Берия и какой будет новая конфигурация политического олимпа СССР. Пленум проходил шесть дней: со второго по седьмое июля 1953 года. Стенографический отчёт этого Пленума не издавался в открытых источниках и был засекречен до 1991 года.

Основным докладчиком на Пленуме был

Маленков, тема его доклада была следующая: «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия». В первую очередь Маленков обвинил Берию в попытке поставить МВД над партией и правительством, а точнее, «поставить ЦК и Правительство под контроль МВД». В доказательство этого приводилась политика Берии в национальных республиках, в которых Берия стремился усилить роль местных национальных кадров в МВД и пытался противопоставить их местным секретарям ЦК. Далее Маленков упомянул о том, что Берия через персональную охрану лидеров страны вёл за ними систематическую слежку. Следующим пунктом обвинения со стороны Маленкова стала международная политика Берии, а именно — попытка нормализации отношений с Югославией в обход ЦК и намерение Берии прекратить строительство социализма в ГДР. Далее Маленков упомянул о массовой амнистии заключённых и сказал, что эта мера была правильной, но Берия ис-

пользовал её в своих целях. При этом сами цели Маленков не раскрыл. Последним обвинением Берии в речи Маленкова было то, что Берия ответственен за «*неправильные и ошибочные характеристики*» Молотова и Микояна, данные им Сталиным на XIX съезде партии.

Закончив с обвинениями Берии, Маленков перешёл к выводам и урокам, которые партия должна была извлечь, учитывая, что опасность подчинения партии власти МВД кроется не только в личности Берии. Во-первых, Маленков предложил укрепить руководящую роль партии и повысить значение партийного руководства в работе государственного аппарата. Во-вторых, чтобы уменьшить роль МВД, оно должно было полностью перейти под контроль партии через подчинение ЦК КПСС и Правительству СССР. Далее Маленков призвал к повышению революционной бдительности в рядах партии. Для этого он предлагал оценивать партийных работников не только с точки зрения их де-

ловых качеств, но и с учётом их преданности партии и советскому народу и умения подчиниться воле партии. Четвёртым выводом в докладе Маленкова было усиление партийной воспитательной работы, в частности, чтобы коммунисты «всей душой, умом и сердцем усвоили существо величного революционного учения Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина.., его колоссальную преобразующую силу». Последним выводом была незыблемость принципа колLECTивности и сплочённости партийного руководства, а именно его Центрального Комитета.

Анализируя выступление Маленкова, нельзя не прийти к выводу, что в своей борьбе с Берией он сделал большую ставку на партийный аппарат. Как отмечалось в предыдущих главах, Маленков ранее вёл политику уменьшения роли партии или даже отстранения партии от власти. Соответственно, с его стороны это был разворот на 180 градусов. И именно для этого ему нужна была поддержка Хрущёва, влияние которого

в партии было значительно укреплено — в сентябре 1953 года он был назначен Первым секретарём ЦК КПСС. Основные претензии Маленкова к Берии сводились к его национальной политике и усилению роли объединённого Министерства внутренних дел, на которое Берия мог опереться в борьбе с партией и лично с Маленковым для продвижения своей национальной и международной политики. Обвинения в «натаскивании» Сталина против Молотова и Микояна, конечно же, несостоятельны. Маленков пытался официально «обелить» и увеличить политический вес Молотова и Микояна и заручиться их поддержкой.

После доклада Маленкова начались прения, в которых первым выступил Хрущёв. Интересно, что в своём выступлении Хрущёв несколько раз противоречил сам себе. Хрущёв начал с того, что у него были опасения по поводу Берии и его действий как министра объединённого МВД ещё перед смертью Сталина. Однако тогда

Хрущёв, по его словам, не решился открыто высказать свои опасения, потому что Хрущёв боялся проиграть политическую борьбу (*«Товарищи могли сказать: воспользовался смертью товарища Сталина и сразу вносит раскол и смятение в руководство партии»*). Далее Хрущёв обвинил МВД и МГБ в плохой работе потому, что этими министерствами за последние 10 лет не было раскрыто ни одного реального заговора, а были только сфабрикованы «дутые» политические дела, в частности, «дело врачей» и «мингрельское дело». При этом в вину Берии Хрущёв ставил то, что, реабилитируя людей, проходивших по этим фальсифицированным делам (то есть де-факто исправляя ошибки в работе министерства), Берия возвращал им звания и давал высокие должности в МВД. Тем самым, по мнению Хрущёва, он окружал себя людьми, на которых мог опереться, чтобы поставить партию под контроль МВД.

Следующим пунктом обвинения Берии

со стороны Хрущёва была попытка или намерение Берии разделить государственную и партийную власть. В доказательство этому Хрущёв приводит ранее упомянутое высказывание Берии венгерскому премьер-министру Ракоши о роли ЦК. В своём выступлении Хрущёв говорил о том, что МВД стало властью, параллельной партийной и государственной, с опорой на которую Берия хотел «уничтожить партию». Хрущёв также обвинил Берию в абсолютно неправильной национальной политике в советских республиках и желании ликвидировать ГДР. Интересно отметить, что Хрущёв также упомянул массовую амнистию, проведённую Берией, и назвал её «дешёвой демагогией», целью которой было поднятие авторитета Берии. Хрущёв отметил и то, что Берия прослушивал высших руководителей СССР, а также пытался настроить их друг против друга. В конце своего выступления Хрущёв подчеркнул, что необходимо усилить роль партии и особенно партийный контроль

за МВД.

В своей речи Хрущёв не только использовал различные уничижающие определения и сравнения для описания Берии (например, сравнил его с Гитлером), но и пытался свалить на Берию все ошибки последних лет, например ответственность за массовые репрессии. Интересными для анализа являются также слова Хрущёва о том, что «...при решении вопроса о Берии все мы были единодушны — товарищ Маленков, товарищ Молотов, товарищ Булганин, товарищ Каганович и все другие товарищи». Закончил своё выступление Хрущёв словами, что после «изгнания» Берии «ленинско-сталинское руководство» укрепится, а партия дальше пойдёт «по пути, указанному Лениным и Сталиным».

После Хрущёва выступил Молотов. Говоря о преступных действиях Берии, он в самом начале своего выступления подчеркнул, что Берия стремился перенести центр принятия властных решений от партии к государственному аппарату.

Первым примером такой политики Молотов назвал предложение о назначении на сессии Верховного Совета Маленкова Председателем Совета Министров, которое исходило не от секретаря ЦК Хрущёва, а от Берии. Другим примером Молотов назвал идею Берии издавать решения Президиума ЦК КПСС не за подписью одного из секретарей ЦК, а просто Президиума ЦК КПСС. Третьим примером игнорирования Берией Президиума ЦК, который привёл Молотов, было то, что обсуждение вопросов международной политики перешло в Президиум Совета Министров и перестало обсуждаться в Президиуме ЦК. Этим, по мнению Молотова, «отстранились от обсуждения международных вопросов тт. Ворошилов, Сабуров, Первухин, которые не входят в состав Президиума Совета Министров». То, что Молотов уделил этому такое внимание, да ещё и в самом начале своей речи, является свидетельством того, что он уже на этом Пленуме предлагал политический союз Хрущёву с опо-

рой на партийный аппарат для борьбы с Маленковым. Более того, упомянув о факте назначения Маленкова на пост Председателя Совета Министров по предложению Берии, Молотов делал явную попытку использовать политическую дружбу Маленкова и «врага народа» Берии для последующей политической борьбы с Маленковым.

Далее в своей речи Молотов критиковал Берию за его капитуляцию перед империалистическими державами и «чуждую партии» позицию по Германии. Национальная политика Берии была охарактеризована Молотовым как направленная на увеличение националистических настроений в республиках СССР. В своей речи Молотов также указал на то, что Берия имел негативное влияние на Сталина, что привело к ухудшению товарищеской атмосферы в ЦК уже в конце 30-х годов и к тому, что «плenумы ЦК перестали собираться по нескольку лет». В этих словах Молотова видно его стремление переложить всю вину, которую партия могла теоретически предъ-

явить «старой гвардии большевиков» (Молотову, Ворошилову, Кагановичу) и самому Сталину, на Берию.

Из других выступлений на пленуме интерес вызывают речи Кагановича, бывшего члена политбюро Андреева, министра металлургической промышленности Тевосяна и Булганина. Булганин, как и предыдущие выступающие, обвинил Берии в попытке нанести удар ленинско-сталинской национальной политике, в буржуазной позиции по ГДР, в использовании МВД для захвата власти. Интересным представляются его слова о тех, кто именно, по мнению Булганина, сыграл главную роль в разоблачении и аресте Берии: «*товарищ Маленков, Хрущёв и Молотов, которые хорошо организовали это дело и довели его до конца*». На эту фразу Булганина Хрущёв, сидевший в Президиуме, сразу отреагировал и попросил Булганина не умалять своей роли в организации свержения Берии.

После Булганина слово получил Каганович.

В начале выступления он упомянул, что во время решения об аресте Берии находился на Урале и явной роли в «решении» по поводу Берии не играл. Его сразу же поправил Маленков, который сказал, что Каганович «безоговорочно, сразу же принял такое же решение, как и мы все». Касаясь национального вопроса, Каганович обвинил Берию в том, что он уменьшал роль русского народа и старался натравить нации, проживающие в СССР, друг на друга. Делал всё это Берия, по мнению Кагановича, чтобы остановить коммунистическое строительство в СССР и совершил буржуазное перерождение государственного строя. Также упомянул Каганович о том, что Берия пытался выстроить «систему противопоставления МВД партии». В речи Кагановича, однако, в отличие от других выступающих был ещё один важный пункт критики Берии. По словам Кагановича, Берия ещё во время похорон Сталина «начал свергать мёртвого Сталина», а после смерти Сталина стал его дискредитировать,

изображать его неприятными и оскорбительными словами. Каганович сказал, что из-за Берии имя Сталина стало сходить со страниц печати. При этом Каганович заметил, что действительно был перегиб в культе личности Сталина и Сталин сам упрекал Политбюро за это, но это не означает, что нужно «сделать крутой перегиб в другую сторону, в сторону замалчивания таких во-ждей, как Stalin». По мнению Кагановича, Берия хотел не исправления отдельных аспектов курса, который проводился при Сталине, а его полной ревизии.

Мысль Кагановича о предательстве Берией Сталина продолжил в своём выступлении Андреев. Андреев обвинял Берию в том, что он начал дискредитировать имя Сталина и «наводить тень на величайшего человека после Ленина», чтобы самому легче прийти к власти. Андреев также возмущался действиями Берии в разоблачении сфальсифицированных политических дел, которые бросали тень на Сталина. Дальше Ан-

дреев заявил, что этими действиям Берия хотел похоронить имя Сталина, а также «преемника товарища Сталина — товарища Маленкова». На эту фразу Маленков сразу же возразил, что все они (не уточнив, кто именно) являются преемниками Сталина, и одного преемника у Сталина нет. На что Андреев ответил Маленкову: «Вы являетесь Председателем Совета Министров — пост, который занимал товарищ Сталин». После чего, как свидетельствует стенограмма Пленума, были «бурные аплодисменты».

Следующим выступал Тевосян. Он также упомянул о попытках Берии очернить имя Сталина в записках МВД по «делу врачей» и «мингрельскому делу», которые были разосланы всем партийным организациям и в которых указывалось, что избиения арестованных производились по прямому указанию Сталина. Тевосян также ещё раз отметил, что после смерти Сталина его имя начало исчезать из печати. При этом он, ссылаясь на выступление Кагановича, связал это

именно с действиями «мерзавца Берии». В конце выступления Тевосян заверил Пленум, что *«имя нашего учителя товарища Сталина на-всегда останется в сердцах членов нашей партии и всего народа»*, а партия, сплотившись вокруг ленинско-сталинского Центрального Комитета партии, пойдёт по намеченному Лениным и Сталин пути к коммунизму.

Из выступлений Кагановича, Андреева и Тевосяна, а также по той поддержке Пленума, которую получали их слова о Сталине, видно, что у членов партии вызывала недовольство политика в отношении Сталина, проводимая в СССР после его смерти. Виновным в пропаганде этой политики Каганович, Андреев и Тевосян попытались объявить Берию. Однако решение о приостановке политики возвеличивания Сталина в том масштабе, как она проводилась до этого, как минимум разделяли Маленков и Хрущёв. Ещё 10 марта 1953 года на Президиуме ЦК Маленков выступил с критикой советской пе-

чата и потребовал «прекратить политику культа личности». При этом секретарь ЦК по пропаганде Поспелов должен был контролировать прессу, а Хрущёв отслеживать все материалы, которые публиковались о Сталине.

Можно предположить, что Берия также как минимум не был против такой политики. Во-первых, потому что он никоим образом не выражал недовольство, во-вторых, так как в записках МВД действительно говорилось об участии Сталина в фальсификации дел, а в-третьих, так как это давало Берии и Маленкову несомненные политические выгоды: можно было списать на Сталина не только ошибки в политике СССР в начале 50-х, но и шаги, направленные Сталиным против Берии и Маленкова, на «позднего» Сталина, который много болел и который отошёл от принципа колLECTивного руководства. Более того, критика Сталина позволяла наибольшим образом ослабить позиции «старой большевистской гвардии» — Молотова, Кагановича и Ворошилова.

Маленкову необходимо было противодействовать наметившейся на Пленуме с подачи Кагановича попытке отменить курс на десталинизацию, которую в лёгкой форме начали проводить уже с марта 1953 года. Иначе, во-первых, Маленков мог быть позже обвинён в пособничестве Берии в осквернении имени Сталина, а во-вторых, возникла возможность опасного усиления Молотова, Ворошилова и Кагановича. Именно поэтому в заключительном выступлении на Пленуме Маленков осудил попытку остановить критику Сталина. Маленков упомянул выступления Андреева и Тевосяна, при этом явно умолчав о Кагановиче. Маленков не только раскритиковал культ личности Сталина, который «в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры», но и предложил записать в решение этого Пленума, что культ личности являлся в последние годы «отступлением от марксистско-ленинского понимания вопроса о роли личности в истории». Маленкова корот-

кой фразой поддержал Хрущёв, который, однако, детально не раскрыл своего отношения к культуре личности.

Можно сделать предположение, что, критикуя на этом Пленуме культ личности Сталина, Маленков помимо целей, изложенных выше, хотел также обезопасить себя от увеличения роли главы партии. А роль главы партии и самой партии непременно возрастала, так как Маленков опирался на поддержку партийного аппарата (и, в частности, Хрущёва) для успешного устранения Берии. Маленков не зря много говорил на Пленуме о «коллективности» нового руководства, при котором первенство принятия ключевых решений оставалось бы за государственными должностями, в частности за Председателем Совета Министров. Маленков, говоря о повышении роли партии, ни разу не сказал, что центр политической силы должен перейти от государственных структур к партийным.

Также очевидно, что на этом Пленуме первен-

ство в политических позициях оставалось за Маленковым. Он открывал и закрывал Пленум, его называли преемником Сталина. Все выступающие ссылались на тезисы его доклада, подчёркивая их правильность и важность. Пост Председателя Совета Министров также явно признавался на Пленуме главным. Очевидно, что Молотова не устраивал такой расклад политических сил, и он, де-факто, начал на Пленуме первую атаку на Маленкова как Председателя Совета Министров и предложил поддержку Хрущёву в борьбе с Маленковым с опорой на партийный аппарат.

По итогам Пленума 7 июля 1953 года было единогласно принято постановление «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии». Берия был выведен из состава Президиума ЦК и исключён из партии. Постановление было разослано во все партийные организации страны в виде закрытого письма. 10 июля «Правда» опубликовала Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС, в котором сообща-

лось о разоблачённых на Пленуме антипартийных и антигосударственных действиях Берии.

Анализируя выступления на Пленуме, можно подтвердить сделанное ранее предположение о том, что основную роль в заговоре против Берии сыграли Маленков, Молотов, Хрущёв и Булганин. Это они проговаривали явно в своих речах. При этом объективных доказательств существования заговора Берии против коллективного руководства они не приводят. Скорее, наоборот — создаётся впечатление, что коллективному руководству не нравилась политика Берии, но они боялись вступить с ним в полемику и поэтому решили вероломно его арестовать. В своих выступлениях они не приводили никаких весомых фактов о существовании заговора Берии. На Пленуме о роли военных в заговоре против Берии они также умолчали. Жукова, тем не менее, перевели из кандидатов в члены ЦК.

Политическая критика Берии на Пленуме сводилась к следующим пунктам. Во-первых, к его

попытке за счёт усиленного МВД перенести центр принятия решений от партийного аппарата в государственный аппарат или вовсе в МВД. Вторых, в «неправильной» национальной политике увеличения роли республик. В-третьих, в попытке ликвидации построения социализма в ГДР. При этом ещё одним из итогов Пленума стало то, что Берии делали виновным во всех без исключений ошибках, совершенных политическим руководством СССР в последние годы. Берия оказался виновен в том, что в Политбюро при жизни Сталина появились разногласия, что Сталин критиковал Молотова и Микояна, что не собирались пленумы ЦК. Это позволяло членам колlettивного руководства снять с себя всю вину и ответственность за свои ошибки и переложить их на Берию.

Ещё одним из итогов Пленума стало возвращение Игнатьева в ЦК и де-факто снятие с него всех обвинений в участии в фальсификации политических дел. Это также выводило Маленкова из-

под удара со стороны нового министра внутренних дел (и тех, кто мог с ним потенциально объединиться) в обвинении о причастности к «ленинградскому делу» и «делу Ерейского антифашистского комитета».

Таким образом, Маленков как основной заговорщик смог добиться всех своих целей. Он политически уничтожил своего главного оппонента. Он смог снять с себя все обвинения в участии в политических репрессиях. Маленков остановил национальную политику Берии, направленную против «унитарного» советского государства. Он смог протащить через Пленум решение о продолжении критики «культы личности» для борьбы с Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым. Однако цена победы была также очень большая. Значительно усилилась роль партийного аппарата и Хрущёва. Маленков в лице Берии потерял важного союзника в борьбе с партаппаратом. Против самого Маленкова начал образовываться союз Молотова и Хрущёва с опорой

на партию и Секретариат ЦК.

Следствие и суд по делу Берии

Политическое убийство Берии окончательно состоялось на Пленуме 2–7 июля 1953 года. После этого никаких шансов на оправдательный приговор и на помилование он уже не имел. Следствие и суд были последними, чисто техническими этапами заговора по свержению Берии. Тем не менее, некоторые обстоятельства того, как именно они проходили, представляются важными.

Первым таким обстоятельством является то, что уголовное дело Берии до сих пор является засекреченным. Как уже отмечалось ранее, Андрей Сухомлинов, заслуженный юрист Российской Федерации, бывший военный прокурор, входил в 2000 году в состав комиссии по реабилитации Берии и ознакомился со всеми материалами 45 томов его уголовного дела. В 2004 году он

выпустил книгу «Кто вы, Лаврентий Берия», в которой с юридической точки зрения проанализировал ход следствия и законность приговора Берии.

Дело на Берию завели 30 июня, постановление об его аресте было выписано 3 июля, при этом процедура регистрации арестованного, которую проводил следователь прокуратуры СССР Цареградский, была проведена с грубейшими нарушениями закона. В анкете отсутствуют отпечатки пальцев Берии, а также фотографии в профиль и анфас. При этом в деле есть фотография Берии в 3/4, на которой он запечатлён очень спокойным, если не сказать расслабленным. Копию страницы анкеты арестованного с фотографией Берии можно найти в книге Сухомлинова.

Андрей Сухомлинов объясняет неправильность составления анкеты арестованного тем, что в штабе МВО у военных не было опыта оформления документов на арестованного. Поэтому, например, фотограф не знал, какие фото нуж-

ны для подобных документов. Однако при этом очень сложно объяснить отсутствие отпечатков пальцев, так как на последней странице анкеты заключённого, где располагается фотография и где должны быть отпечатки пальцев, присутствует текст «*отпечаток указательного пальца правой руки (от одной кромки ногтя до другой)*». В любом случае возникает вопрос, как мог упустить такое прокурор Цареградский и Генеральный прокурор Руденко? Они в полной мере обладали необходимыми знаниями и не могли не знать и не заметить, что анкета оформлена с грубейшими нарушениями. Более того, такая ошибка давала впоследствии повод любому человеку усомниться в правильности ведения следствия. Елена Прудникова объясняет эти и другие существенные ошибки в уголовном деле Берии тем, что он сам был убит 26 июня, а в бункере МВО находился двойник Берии.

Как пишет Сухомлинов, период нахождения Берии в бункере штаба МВО с 27 июня по 23 де-

кабря 1953 года нигде не описан, и о пребывании Берии там можно судить только по воспоминаниям очевидцев и материалам уголовного дела.

Следующим уникальным фактом в деле Берии является то, что Генеральный прокурор Руденко составил лично около тридцати допросов Берии. Как замечает Сухомлинов, который сам является военным прокурором, это исключительное явление, так как задачей Генерального прокурора является организация следствия и контроль над ходом его исполнения, а не участие в непосредственных допросах. Возможным объяснением может являться то, что Маленков, Молотов и Хрущёв боялись либо определённых показаний, которые может дать Берия, либо того, что он может сговориться с другим прокурором и убедить его в том, что произошёл государственные переворот. Эта версия, однако, не очень убедительна, так как, во-первых, в допросах участвовали и другие прокуроры, например, Цареградский. А, во-вторых, в других подобных делах, где

могли «всплыть» ненужные показания (например, как происходило на допросах Судоплатова), прокуроры и следователи просто не включали такие показания в материалы дела. В-третьих, первый допрос Берии состоялся 8 июля, после окончания Пленума, когда он уже был «политически мёртв», поэтому убедить кого-либо в своей правоте он вряд ли мог.

В рамках уголовного дела Берии не было проведено ни одной очной ставки ни с одним из подозреваемых, ни с одним из свидетелей. Очная ставка не проводилась даже в тех случаях, когда подозреваемые и свидетели противоречили друг другу и, таким образом, нельзя было точно установить, кто говорит правду.

Помимо прочего против Берии выдвигалось обвинение в моральном разложении. Фактом для подтверждения этого был список охранника Берии Саркисова, в котором фигурировали контактные данные и имена 200 женщин. При этом следствием рассматривался только

один-единственный эпизод по этой части обвинения — изнасилование 16-летней гражданки Дроздовой В.С. в 1949 году. Согласно материалам уголовного дела, 11 июля 1953 года Валентина Дроздова обратилась к Генеральному прокурору СССР с заявлением о том, что была изнасилована Берией в 1949 году. При этом, как отмечает Сухомлинов, её «*собственноручное заявление нигде не зарегистрировано, никаких ре- золюций и иных отметок на нём нет, об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (в те годы это тоже было предусмотрено) она не была предупреждена*». Саркисов выступал свидетелем по этому эпизоду. Он подтверждал факт изнасилования Берией Дроздовой и то, что от Берии у неё родился ребёнок, а один раз она делала аборт (при этом Берия устраивал её в Кремлёвскую больницу). Допрос Саркисова и Дроздовой, по мнению Сухомлинова, был составлен так непрофессионально, что не позволяет точно установить, имело ли место

изнасилование или нет. Тем не менее, именно в такой форме данный эпизод был передан следствием в суд, который признал Берии виновным по данному пункту обвинения. Приговор суда впоследствии был также усилен следующим абзацем: «*Судебным следствием установлены также факты иных преступных деяний Берия, свидетельствующих о его глубоком моральном падении. Будучи морально разложившимся человеком, Берия сожительствовал с многочисленными женщинами, в том числе связанными с сотрудниками иностранных разведок*». Часть про иностранные разведки обсуждать не имеет смысла, никаких доказательств этому в деле нет, но важно отметить, что сожительство с женщинами, а также утрата морального облика не являлись уголовными преступлениями даже по тем временам, а значит, не могли считаться судом преступлениями.

Причиной, почему подобные обвинения попали в материалы уголовного дела и суда, яв-

ляется то, что 17 сентября 1953 года Президиум ЦК КПСС издал Постановление, в котором Президиум ЦК поручал Генеральному прокурору с учётом правок, принятых на заседании Президиума, доработать проект обвинительного заключения. Более того, тем же Постановлением члену ЦК Суслову поручалось «принять участие как в подготовке Генеральным прокурором СССР проекта обвинительного заключения по делу Берия, так и проекта Сообщения Прокуратуры СССР». 10 декабря 1953 года Президиум ЦК утвердил проект обвинительного приговора, представленный Генеральным прокурором СССР Руденко. В том же Постановлении утверждалось, что обвинительное заключение по делу Берии должно быть разослано «для ознакомления членам и кандидатам в члены ЦК КПСС, а также первым секретарям обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик». То есть заговорщики Маленков, Молотов и Хрущёв явным образом участвовали в работе следователей

и корректировали работу прокуратуры даже в составлении обвинения. Сухомлинов как военный прокурор отмечает, что обвинительное заключение написано не в стиле прокуратуры, а так, как будто является партийным документом, изданным под редакцией ЦК.

Ещё более интересным фактом в уголовном деле Берии является то, что на девяносто процентов все листы уголовного дела являются не подлинниками, а машинописными копиями, заверенными майором административной службы Главной военной прокуратуры Юрьевой. Получается, что почти все материалы дела являются перепечатанными позже текстами без подписи следователя и арестованного, но с подписью майора Юрьевой, которая «заверила» правильность копий. Сухомлинов очень удивлён этому обстоятельству и даже делает вывод, что «ни один прокурор не позволит представить ему дело без оригиналлов. Это неписаное правило прокуратуры. И нарушил его Руденко».

После завершения следствия в декабре 1953 года для рассмотрения дела Берии Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена специальная судебная процедура, которая была разработана в 1934 году в связи с убийством Кирова и применялась для рассмотрения дел о терроризме. Суд над Берией и другими обвиняемыми проходил в штабе МВО. Было назначено восемь судей, из которых только двое (Е.Л. Зейдин и Л.А. Громов) были профессиональными судьями, а остальные представляли различные структуры: Конев и Москаленко — армию, Н.А. Михайлов — партию, Н.М. Шверник — профсоюзы, М.И. Кучава и К.Ф. Лунёв — МВД. Председателем специального судебного присутствия был маршал Конев. Заседания этого временного органа проходили с 18 по 23 декабря 1953 года.

Как уже было отмечено выше, по одному делу с Берией проходили Мешик, Меркулов, Деканозов, Кобулов, Владзимирский и Гоглидзе. При-

чём они все содержались в Бутырской тюрьме, откуда каждый день привозились в «зал суда», в штаб МВО. В ходе суда велись допросы обвиняемых, им также давалась возможность задать друг другу уточняющие вопросы. Согласно материалам уголовного дела, это была для них первая возможность встретиться вживую, так как очных ставок во время следствия не проводилось.

23 декабря 1953 года был вынесен приговор. Судебным следствием полностью подтверждались материалы предварительного следствия и обвинительного заключения. Всех обвиняемых признали виновными и приговорили к расстрелу. Берию суд признал виновным в измене Родине, организации антисоветской заговорщической группы в целях захвата власти и установления господства буржуазии, в совершении террористических актов против преданных Коммунистической партии и народу политических деятелей, а также активной борьбе против революционного рабочего движения в Баку в 1919 году.

Оригинала приговора суда в материалах дела также нет, присутствует только машинописная копия, не подписанная судьями. Как отмечает Сухомлинов, «*по правилам судебного делопроизводства во всех уголовных дела, на каком бы уровне они ни рассматривались, оригинал приговора должен храниться в материалах дела и должен быть подписан всеми членами суда*».

Приговор был приведён в исполнение в тот же день. При этом Мешика, Меркулова, Деканозова, Кобурова, Владимира Гоглидзе расстреляли в Бутырской тюрьме в 21:20, а Берию — в бункере штаба МВО в 19:50. Акт о расстреле Берии написан от руки и подписан Батицким, Москаленко и Руденко. В нём, однако, отсутствует подпись врача, который должен был констатировать смерть Берии. Согласно акту, исполнителем приговора был генерал-полковник Батицкий, а сам расстрел происходил в присутствии Генерального прокурора Руденко и генерала армии Москаленко. Тела шестерых расстрелянных

в Бутырке были затем кремированы, о чём в уголовном деле имеется соответствующий акт. Акта о кремации тела Берии в уголовном деле нет, поэтому нельзя сказать, что именно произошло с его трупом.

Глава IV – Итоги переворота

Первым итогом свержения Берии с политического олимпа стала отмена всех его политических решений в области национальной и внешней политики. Как уже отмечалось выше, после устранения Берии в ГДР в июле прошёл Пленум Социалистической единой партии Германии, в результате которого с учётом новой политики Москвы позиции Ульбрихта в СЕПГ были усилены, а курс на социалистическое строительство в ГДР продолжился. Национальные настроения в республиках, которым Берия начал придавать силу в 1953 году, были снова поставлены под партийный контроль, что остановило в этих республиках потенциальные центробежные тенденции.

Следующим итогом краха Берии стало то, что из него сделали главного и единственного виновного во всех ошибках высшего руководства страны, причём даже во время Сталина. Маленков и Хрущёв, а также другие списывали на Берию всё то, к чему сами они были причастны: создание «политических дел» и участие в массовых репрессиях. На десятилетия за Берией в партии и народе закрепился образ кровавого палача и коварного негодяя.

Другим важным следствием свержения Берии стало значительное ослабление роли силовых ведомств. Функции МВД–МГБ были значительно урезаны, им запретили вести контроль за деятельностью партийных органов. По сути МВД стало чисто исполнительным органом. Теперь силовое ведомство было поставлено под прямой контроль партии, то есть Центрального Комитета, что в реальности означало контроль со стороны Секретариата ЦК. Таким образом, партийный аппарат избегал практически

любой угрозы со стороны силовых ведомств, так как теперь без одобрения партийного аппарата ни один член партии не мог быть арестован. Политику подчинения МВД сделали максимально гласной. Уже в начале июля 1953 года в «Правде» была опубликована статья, которая подробно описывала необходимость систематического контроля за МВД как в центре, так и на местах со стороны партийных организаций, потому что это «*не только их право, но настоятельная и непосредственная обязанность*». В МВД произошла «чистка» бериевских кадров. Было уволено более сотни генералов и полковников. Если при Сталине и Берии МВД–МГБ обладало значительными возможностями и позволяло использовать их как средство политической борьбы за власть, то после июля 1953 года Маленков как главный претендент на власть был лишен возможности опереться на МВД–МГБ для политической борьбы с партийным аппаратом.

Контроль партии за МВД был не единствен-

ным изменением политической конфигурации в 1953 году. После свержения Берии политическая роль партии значительно возросла. Начавшаяся ещё на пленуме попытка переноса центра принятия решений из государственной власти (Совета Министров) в партийный аппарат (Президиум ЦК) продолжилась и в итоге через несколько лет завершилась полной победой партаппарата. После июля 1953 года всё чаще стали появляться в печати и в выступлениях оценки «вредительской, антигосударственной и антипартийной деятельности Берии», которая была направлена на то, чтобы разграничить власть партийных и государственных органов. Отдельно нужно отметить, что возросла роль Секретариата ЦК.

При возрастании роли партии и Секретариата ЦК политический вес Хрущёва, имеющего из всех секретарей ЦК самые сильные позиции, также значительно возрастал. Это является ещё одним следствием свержения Берии. Как отмеча-

ют все исследователи той эпохи, с июля 1953 года Хрущёв начал действовать гораздо активнее в борьбе за высшую власть. В августе 1953 года он восстановил «конверты», которые несколькими месяцами ранее отменил Маленков, и выплатил партийному аппарату всю «недополученную» разницу. Как отмечает Юрий Жуков, партаппарат начал усердно трудиться, чтобы ещё больше усилить позиции Хрущёва. В сентябре на Пленуме был введён пост Первого секретаря ЦК, на который выбрали Хрущёва. Этот момент можно считать точкой уравновешивания государственной и партийной власти. Если в Президиум ЦК входили представители и государственной, и партийной ветвей власти, то теперь Секретариат ЦК стал главным органом власти партии, а Хрущёв — главным выразителем интересов партии. В декабре 1953 года Хрущёв стал также заместителем Председателя Правительства СССР.

Политическая позиция Маленкова ослабла.

При всех существовавших разногласиях Берия был един с Маленковым в стремлении ослабить роль партии. Маленков лишился важного союзника. При этом против него самого уже началсяовор Молотова и Хрущёва, которых, вероятно, уже тогда поддерживали Каганович и Ворошилов. Более того, Хрущёв в ходе борьбы с Берией смог поставить в руководстве силовых ведомств своих людей, в МВД — Серова, в прокуратуру — Руденко.

Всё это привело впоследствии к тому, что Хрущёв в союзе с Молотовым и опорой на партийный аппарат через полтора года снял Маленкова с поста Председателя Совета Министров, а в 1957 году победил «антипартийную группу» Молотова, Маленкова, Кагановича и Шепилова (в которую на самом деле входили ещё Булганин, Первухин и Сабуров) с помощью Жукова и Серова, опервшись на секретарей обкомов и региональных членов ЦК. Через несколько месяцев Хрущёв снял и Жукова. В итоге партийный аппа-

рат одержал окончательную победу и стал главной властью в СССР.

Заключение

Анализ государственных переворотов и заговоров является очень сложной задачей, так как те, кто в результате приходит к власти, пытаются максимально скрыть истинные цели и методы переворота, реальные роли заговорщиков, а также причины участия каждого из них в заговоре.

В рамках данного исследования был подробно разобран «дворцовый» переворот, совершенный в июне 1953 года в СССР, в результате которого был снят со всех постов, арестован и впоследствии расстрелян один из основных претендентов на высшую власть в СССР, министр внутренних дел Лаврентий Павлович Берия.

Заговор против Берии происходил в контексте политической борьбы в высших эшелонах власти в СССР после смерти Сталина. В марте

1953 года наивысшую власть в стране получили Маленков, Берия, Хрущёв, Булганин и Молотов, которые образовали «коллективное руководство», в основе которого лежала не общность целей и средств развития страны, а минимально-достаточный компромисс. Берия, ставший министром объединённого МВД, и Маленков, получивший пост Председателя Совета Министров, были главными претендентами на власть.

Берия в марте-июне 1953 года осуществил реформу МВД, провёл массовую амнистию заключённых и начал процесс реабилитации по сфабрикованным политическим делам последних лет. Помимо этого, Берия активно включился в принятие политических решений во внешней политике Советского Союза и национальной политике в СССР — сферах, которые не были непосредственно в его компетенции. Его политическая программа носила черты либерализации силового аппарата СССР, политической и экономической либерализации в странах народной демо-

кратии, она включала идею объединения Германии и кардинального пересмотра национального вопроса в СССР в сторону больших свобод и прав национальных республик.

Такая активная политика Берии шла вразрез с интересами большинства членов коллективного руководства, в первую очередь, Молотова и Маленкова, которые, во-первых, были сторонниками «унитарного» советского государства, а во-вторых, не были готовы пойти на полное сворачивание курса на строительство социализма в Германии и странах Восточной Европы. При этом Маленков также опасался в скором времени быть обвинённым Берией в участии в фабрикации дел.

Основным заговорщиком против Берии выступил Маленков, к которому по идеологическим соображениям присоединился Молотов. Маленков и Молотов привлекли к заговору Хрущёва и Булганина, а на последнем этапе подключили военных. У заговорщиков было несколько про-

грамм отстранения Берии от власти. В итоге, согласно официальной версии, Берия был арестован военными 26 июня 1953 года на заседании Президиума ЦК в Кремле, но существует и другая версия, согласно которой Берия 26 июня 1953 года был убит военными в своём особняке.

В день ареста Берии военные, привлечённые к заговору, ввели в Москву танки Таманской и Кантемировской дивизий, а также подняли в воздух военно-воздушные силы Московского военного округа, при этом сторонники Берии в армии были накануне отправлены из Москвы на учения.

После того, как заговор был успешно реализован, заговорщики совершили «политическое убийство» Берии на внеочередном Пленуме ЦК. Далее заговорщики организовали следствие и суд на Берией, деятельность которых полностью контролировали с помощью вновь назначенного Генерального прокурора Руденко, а также явным образом вмешиваясь в ход следствия.

По решению суда, Берия был признан виновным в организации антисоветской заговорщической группы в целях захвата власти и установления господства буржуазии и 26 декабря 1953 года расстрелян (если он не был убит за полгода до этого — 26 июня 1953 года — в своём особняке).

Одним из итогов свержения Берии с политического олимпа стала отмена всех его политических решений в области национальной и внешней политики. Помимо этого, заговорщики создали вокруг Берии чёрный миф, в котором Берия изображался кровавым палачом и коварным негодяем, на которого списали все ошибки высшего руководства страны. Ещё одним важным следствием свержения Берии стало то, что функции МВД–МГБ были значительно урезаны, а силовое ведомство было поставлено под прямой контроль партии. При этом роль партии была усиlena, и начался процесс переноса центра принятия решений из государственной ветви власти

в партийный аппарат.

В результате заговора Маленкову как основному заговорщику удалось уничтожить своего основного политического конкурента, однако цена победы оказалась для него слишком высокой: в течение следующих нескольких лет Маленков, а также Молотов, Каганович, Ворошилов, Булганин и Жуков проиграли борьбу за власть партийному аппарату, возглавляемому Хрущёвым.

Максим Жиленков

Павел I как субъект политической войны

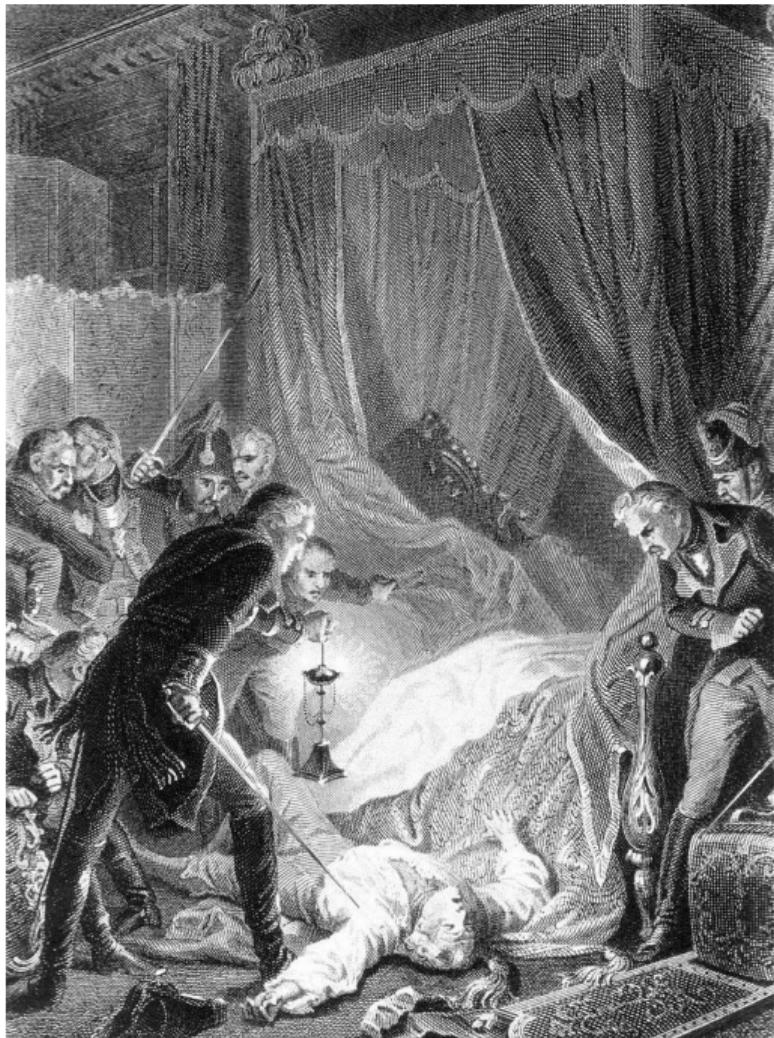
Группа, организовавшая убийство Павла I, была вовсе не случайным собранием людей. Роль потомков этих господ заметна и в российской политике дня сегодняшнего. Легко предположить, что группа эта является субъектом, способным воспроизводить и свой человеческий ресурс, и свои проектные цели

Герхардт фон Кюгельген. Портрет Павла I с семьёй. 1800. Государственный музей-заповедник «Павловск». Изображены слева направо: Александр I, Великий князь Константин, Николай Павлович, Мария Фёдоровна, Екатерина Павловна, Мария Павловна, Анна Павловна, Павел I, Михаил Павлович, Александра Павловна и Елена Павловна.

Пётр Алексеевич Пален

Филиппото Анри Феликс Эмманюэль. Убийство русского царя Павла I в марте 1801 года. Начало 1880-х годов.

Главари заговора	Организаторы	Исполнители/Участники
Н. П. Панин	О. А. Жеребцова	А. В. Аргамаков
П. А. Пален	Л. Л. Беннигсен	<i>Шефы полков:</i>
Ч. Витворт	Братья Зубовы И. М. Муравьёв-Апостол	Н. Н. Депрерадович (Семёновский) Ф. П. Уваров (Кавалергардский) П. А. Тылызин (Преображенский) И. Ф. Янкович-де-Мириево (Конногвардейский) Н. И. Вердеревский (Кексгольмский) Ушаков (Сенатский батальон); П. А. Тучков (1-й Артиллерийский полк).

Таблица — Ядро заговорщиков

История политических войн изучается вовсе не с целью расширения общей эрудиции, а чтобы на примере минувших событий понять что-то в дне сегодняшнем. Поэтому интересны только те исторические сюжеты, которые могут выsvetить смысл актуальной действительности. Сегодня, когда накалены отношения главы государства и части правящего класса, обострены противоречия с Западом, идёт мучительный поиск новых решений для страны, история политической вой-

ны вокруг Павла I представляется актуальной.

Ещё совсем недавно системные и околосистемные либералы, которые образовывали правящий класс России, грозили главе государства дворцовым переворотом. Политические цели и решимость части нынешней российской элиты ярко иллюстрируются циничной фразой, сказанной якобы И. Юргенсом и обращённой к Д. Медведеву: «*Ступайте царствовать, государь*». Цинизм в том, что это — цитата: считается, что так сказал Александру I генерал Беннигсен — хладнокровный убийца Павла I.

Настоящая работа является «первым приближением» в анализе рассматриваемой темы. В ней тезисно изложена основная фактологическая и смысловая канва политических сюжетов, характеризующих войну за власть и стратегию России той эпохи и в существенной мере проецирующихся на нашу современность.

Так, например, группа, организовавшая убийство Павла I, была вовсе не случайным собра-

нием людей. Роль потомков этих господ заметна и в свержении Николая II, и в российской политике дня сегодняшнего. А раз так, легко предположить, что рассматриваемая группа является субъектом, способным воспроизводить и свой человеческий ресурс, и свои проектные цели.

Сам Павел I интересен для нас тем, что он — по-своему — желал подлинно великого будущего для своего Отечества, как и его великие современники — Наполеон и Вашингтон — для своих держав. При этом он желал достичь этого, не за пятнав руки кровью своих родных и соратников. Потому мне хотелось понять, что на самом деле пытался построить этот незаурядный правитель России.

Павел и оппозиция Екатерине II

Будущий император Павел I, сын Петра III и Екатерины II, правнук Петра I, родился 20 сентября 1754 г. Дневники юного Павла и документы

современников говорят о наследнике как о человеке романтическом и даже сентиментальном, которому был чужд цинизм. Эти качества он сохранял до самой смерти, будучи уже и императором.

Павел Петрович как наследник трона с самого рождения стал объектом воздействия различных политических сил своего века — века переворотов. Ещё ребёнком Павел стал свидетелем переворота 1762 года, когда по приказу его матери был убит его отец, Пётр III. Сохранились записки, в которых Пётр III умоляет Екатерину сохранить ему жизнь, и Павел был знаком с этими документами.

Вообразите чувства человека, вынужденного жить в атмосфере, где успех в политической борьбе зависит от степени цинизма по отношению к самым близким людям. Отправить на плаху первенца, заточить в монастырь супругу, сослать на каторгу друзей детства, взять в заложники родственников политических противников —

вот инструменты государя, позволяющие обеспечить долгое правление...

Екатерина II, чтобы удерживать власть, дискредитировала сына, который должен был унаследовать престол по достижении совершеннолетия. Она распространяла слухи о том, что отец Павла — не Пётр III, а граф Салтыков, или что Павел даже вовсе — подкидыш. Так что у Павла были все основания опасаться за свою жизнь.

Л.Л. Беннигсен отмечал: «*Когда императрица проживала в Царском Селе в течение летнего сезона, Павел обыкновенно жил в Гатчине, где у него находился большой отряд войска. Он окружал себя стражей и пикетами; патрули постоянно охраняли дорогу в Царское Село, особенно ночью, чтобы воспрепятствовать какому-либо неожиданному предприятию. Он даже заранее определял маршрут, по которому он удалился бы с войсками своими в случае необходимости; дороги по этому маршруту по его приказанию заранее были изучены до-*

веренными офицерами».

Конечно, власть Екатерины держалась не столько на удачно осуществлённом перевороте, сколько на элитном консенсусе, которого удалось достичь накануне убийства Петра III. Ища себе сторонников, Екатерина выступала от имени интересов сына, демонстрируя своё стремление играть роль регента до совершеннолетия наследника. Именно с этих позиций Екатерина вела переговоры с элитными кругами во главе с Никитой Ивановичем Паниным — воспитателем и представителем Павла — в сложной придворной игре за престол.

Консервативная партия Панина стремилась утвердить на троне максимально законного наследника для осуществления ряда реформ, ограничивающих власть самодержца. Речь шла о следующих условиях воцарения Екатерины: помимо соблюдения прав наследника, императрица учредит Императорский совет из нескольких (6–8) представителей высшей аристократии

и подпишет конституцию. Все эти условия впоследствии были нарушены.

В 1772 году сторонники Павла пытались отстранить Екатерину от власти и передать престол законному наследнику, достигшему 18-летия. Заговор был раскрыт, отстранить Екатерину не удалось. Однако борьба продолжилась.

Таким образом, Павел был довольно рано втянут в войну за власть.

Идеологическая рамка элиты XVIII века

Консервативная партия Никиты Панина была официальной, но не единственной оппозицией власти Екатерины.

Каковы идеологические основания политических игроков этого времени? В ядре политической идеологии екатерининского двора находилось противоречие, порождённое Петром I — сочетание просвещения и рабства. Точнее всего это противоречие определено Пушкиным: «*Петр I*

не страшился народной Свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон...»

В немалой степени определило появление золотого века русской словесности то обстоятельство, что печатные издания выходили при Петре I гигантскими тиражами, многое сгнило на складах, но печатное слово дошло до элиты. Просвещение было религией Петровской эпохи.

Просвещение как социальная практика решающим образом вступало в противоречие с самовластием и крепостным рабством (крепостничество екатерининского образца совсем уж походило на рабство). По отношению к этому коренному противоречию в русской элите конца XVIII в. возникает несколько политических групп.

Вот как определяет эти группы Н.Я. Эйдельман.

Первая группа «просвещённых россиян» — это правящие циники.

«Тут находим Екатерину II, Потёмкина, Орловых, многих фаворитов, немалое число дворян на службе или в имениях — тех, кто хочет сохранения петровского раздвоения, чтоб оставалось — в широком смысле — как есть, чтоб не страшиться никаких «неминуемых следствий...». Они хотят «выгод просвещения» (не отстать от Европы) и хотят сохранить рабство в экономике и политике».

Вторая группа — это те, кто выступал за просвещённый западный прогресс.

«Просветители ещё надеялись на власть, несмотря на испытанное разочарование; сохраняли до конца известные иллюзии насчёт Екатерины II». К этой категории относится обширный срез элиты. Наиболее яркими персонажами были Радищев, Новиков, Лопухин, Суворов, Ушаков, Дашкова, здесь же и родители декабристов.

Существовал и третий подход к петровскому противоречию «просвещение — рабство». Тре-

тъя группа элиты — это консерваторы, «отрицающие в большей или меньшей степени те пути просвещения, которыми двигалась новая Россия; носители подобных идей были склонны к идеализации старины, настороженно относились к «нужной, но, может быть, излишней реформе Петра». Данная политическая группа была представлена И.В. Лопухиным, братьями Паниными, Д.И. Фонвизиным, они «мечтали о движении к будущему как бы «через прошлое»: «мы подлинно в людскости и в некоторых других вещах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполнинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей. Но тогда же гораздо с вящей скоростью бежали в повреждении наших нравов и достигли даже до того, что вера и божественный закон в сердцах наших истребились, тайны божественные в презрение впали, гражданские узаконения презираемы стали».

Эйдельман выделяет и четвёртую точку зре-

ния на Петровскую дихотомию «Просвещение — Рабство». Консервативными чертами обладала и народная крестьянская идеология. Миллионы простых людей не отличали петровское просвещение от рабства, и даже ненавидели просвещение за ту цену, которую приходится платить за возможность пробуждения и раскрепощения способностей крохотной горстки элиты. Емельян Пугачёв не видел разницы между астрономом Ловицем и другими боярами, он приказал повесить его, «чтобы он был поближе к звёздам».

Черты политической войны в конце XVIII века

Все три вышеназванные проекта обладали одной общей чертой: они не были направлены на создание сильной, централизованной власти, которая бы мобилизовала страну на развитие. Стране нужен был сплочённый субъект, готовый жертвенно служить Отечеству. При этом элита

была настроена не на жертвенное служение, а, напротив, на выбивание для себя новых вольностей. Вероятно, в этом кроется главная причина конфликта Павла и дворянства.

Идеологические течения элиты определяли варианты развития страны. Не будет преувеличением сказать, что страна в конце XVIII в. находилась в состоянии бифуркации, то есть в состоянии неустойчивой системы, развитие которой может быть направлено в ту или иную сторону под воздействием внешних или внутренних импульсов.

В это состояние система была погружена вследствие:

1. Произошедшей Великой французской революции, значение которой для всего человечества трудно переоценить;

2. Серии переворотов, которые были обусловлены Законом Петра I о престолонаследии — наследник назначался правящим монархом, что многократно обострило борьбу за власть (Закон был отменён сразу после воцарения Павла I) —

и желанием элиты сформировать власть так, чтобы были обеспечены гарантии для дворянского сословия.

3. Самозванчества. Закрепощение крестьян было воспринято как вопиющая несправедливость, что вызвало десятки крестьянских восстаний. Одних лже-Петров III было более 40. Русский народ считал личность царя непогрешимой, и если творится несправедливость, это значит, что либо бояре искажают волю царя, либо царь ненастоящий.

Так, Пугачёв, выдававший себя за Петра III, в конце бунта говорил, что он хочет посадить на трон сына, Павла, а сам править не желает. Представители консервативной партии вынуждены были оправдываться и доказывать, что бунт Пугачёва не был инспирирован Паниными в интересах Павла.

Однако трудно себе представить, что воплощение одной из трёх идеологий правящей элиты смогло бы способствовать преодолению нарас-

тающей неопределённости в условиях обострения отношений с Западом. Оставить всё, как при Екатерине, — это был путь к поражению. Реализовывать либеральный проект в стране, которая явно к этому не была готова, — крайне опасно. Но и создание рыхлой аристократической республики со слабым монархом тоже не сулило России ничего хорошего.

Павел при Екатерине II был неформальным главой консервативной оппозиции. Эта партия была его политической опорой в борьбе за престол.

Отношения Павла I со своей опорной группой

Екатерина II воспользовалась правом монарха выбрать наследника по своему желанию и составила завещание в пользу своего внука Александра, минуя Павла. Такой порядок наследования будет сразу упразднён Павлом, но для это-

го нужно было ещё стать императором и не дать хода завещанию императрицы. Представители правящего класса поддержали Павла.

Так, по одной из версий, Николай Зубов, узнав «где стоит шкатулка с известными бумагами» Екатерины II, достал из шкатулки некие документы и отправился к наследнику в Гатчину. По другой версии, завещание Павлу привёз Александр Безбородко. Видимо, надежды значительной части элиты на новые перспективы при воцарении Павла были велики. Однако цели политики Павла серьёзно расходились с целями элиты, на которую он опирался. Павел стремился к максимальному усилению императорской власти, именно в этом он видел путь развития России.

Отношения Павла I с масонами требуют подробного и отдельного рассмотрения. В данной работе рассуждения о том, чем отличается ложа «Искренность» от ложи «Скромность», увили бы нас от обсуждаемого предмета. Нам тут важно, что отношения Павла с этой дворянской субкультурой

турой имели место и играли важную роль в дворянской среде.

Мне кажется важным эпизод (описанный историком российского масонства Брачевым), который раскрывает один из моментов открытого конфликта государя со своей базой поддержки. По многим свидетельствам, масоны стремились к воцарению масонского же монарха, который восстановит тайные общества после их разгрома Екатериной II.

«В 1797 году, приехав для коронации в Москву, Павел I приказал объявить великому мастеру московской ложи «Трёх мечей» профессору Маттеи, чтобы он позаботился о созыве в назначенный день собрания всех главных московских масонов. Приказание это было исполнено. Явившийся на него император обратился к собравшимся с речью, причём не как государь, а как «брать». Смысл этой речи состоял в том, не признают ли они за лучшее, учитывая опыт трагических событий во Франции, прекратить

на время свои собрания. На это масоны отвечали, что не видят в этом необходимости, и только провинциальный великий мастер рижской ложи барон Унгерн-Штернберг якобы поддержал государя. Павел I остался очень доволен его выступлением и, обращаясь к профессору Маттеи и другим масонам, заявил: *не собирайтесь более до моего особого повеления*. Другая версия звучит мягче, но больше похоже на Павла: *«В случае надобности пишите мне просто, побратски и без всяких комплиментов»*.

Надо ли говорить о том, что разочарованию масонов не было границ. Ведь заговор 1772 года против Екатерины II в пользу Павла вызревал именно в масонской среде. После раскрытия заговора многие из братьев подверглись гонениям, арестам и даже смерти. И вот вам благодарность — *«не собирайтесь более до моего особого повеления»*.

По всей видимости, Павла уже продолжительное время не прельщало быть царственным

масоном, великим мастером провинциальной ложи, первым среди равных братьев. Скорее, его манил совсем другой образ. Мистический образ Царя-священника Мелхиседека, окружённого верными слугами-рыцарями. Для укрепления самодержавной власти Павел рассчитывал сплотить элиту на совершенно новых началах.

К моменту воцарения Павла Петровича Французская революция теряет популярность в умах европейских мыслителей, якобинский террор и кровавая грызня революционеров не остаются незамеченными. Это обнажило потребность Европы в новых идеях и смыслах. В этой связи Павлом предпринимается целый ряд удивительных как для современников, так и для потомков шагов. В 1798 году, после захвата Францией Мальты, Павел по просьбе малтийских рыцарей возлагает на себя корону магистра малтийского ордена Святого Иоанна. Неординарное решение православного монарха возглавить католический орден кажется странным только на первый взгляд.

Мальтийский орден Святого Иоанна имеет глубокую историю ещё до раскола единой христианской церкви и потому несёт в себе традицию, общую и для православия, и для католицизма. Кроме того, рыцарство не было чуждо русской почве. Св. Исидор Ростовский, блаженный юродивый XV столетия, не просто обладал «латинским» происхождением (как и русский святой Прокопий Устюжский), но был магистром некоего немецкого ордена.

Заслуживает особого внимания и стремление Павла к «орденско-рыцарскому» воссозданию христианского единства под рукой России. В Воронцовском дворце строится православная орденская церковь для православных кавалеров, создаётся Великое Приорство Российское. Приор — наследник престола Александр Павлович. С Ватиканом ведутся переговоры о переносе в Россию престола Папы Римского.

Эйдельман пишет так: «*обращение к далёкому средневековому прошлому, оживление*

его идеализированного образа, рыцарская консервативная идея наперекор «свободе, равенству, братству». Рыцарство против якобинства (и против «екатерининской лжи»!), т.е. облагороженное неравенство против «злого равенства». Рыцарский орден, сближающий воина и священника, был находкой для Павла, который ещё до мальтийского гроссмейстерства соединил власть светскую и духовную».

Любопытно, что Гёте, следивший за политической жизнью в далёкой России, в своём дневнике запишет: «Фауст. Смерть императора Павла». Быть может, Гёте увидел в этом событии глубокий фаустианский смысл?

Моя гипотеза такова: Павел строил консервативную утопию в противовес европейской модели просвещения. Проект фаустианского человечества, «спутавшегося с нечистым» ради прогресса, требовалось подвергнуть содержательной критике. Великая Французская Революция — это гигантский гуманистический шаг впе-

рёд, но он не лишён противоречий. Например, маркиз де Сад, который был заметной фигурой буржуазной революции, провозгласил необходимость удовлетворения всех потребностей природного человека, даже самых низких животных потребностей. Разве сегодняшнюю Европу нельзя назвать во многом состоявшейся «садистской» Европой, проповедующей учение де Сада?

В этой связи романтические попытки Павла что-то противопоставить Французской революции трудно назвать замшелым ретроградством, мракобесием и т.д. Критика Павлом западного просвещения, на мой взгляд, вполне содержательна и могла служить базой для глубокого стратегического диалога с Западом. Так, в частности, Наполеон очень серьёзно относился к идеологическим построениям Павла и активно шёл с ним на диалог.

Одновременно с воплощением в жизнь своей консервативной рыцарской утопии Павел «закручивает гайки» в государственном механиз-

ме, расшатавшемся за время правления Екатерины и её фаворитов. Эйдельман доказывает, что репрессии дворянского сословия действительно имели масштабный характер: «*При Павле I, считая с 1 января 1797 г., мы находим 721 дело Тайной экспедиции, в среднем 180 в год, т.е. в 7 раз больше, чем в предшествующее царствование.* Мы видим впечатляющую статистику столкновения царя со своим дворянством; в этом списке «благородное сословие» представлено по меньшей мере 195 персонами (35%), в числе которых 20 военных и статских генералов (к тому же среди женщин одна «жена генерала»); 18 человек имели княжеский, графский, баронский титулы. Эти цифры, внешне не слишком крупные, на деле составляли заметную долю российского просвещённого слоя. Можно говорить о каждом десятом чиновнике и офицере, подвергавшемся какому-нибудь наказанию или опале.

«*Le kibitka*» («чёрный воронок» — П.К.) и «ип

feldjeger» («комиссар в кожанке» — П.К.) были символами страха: «Пушкин писал о своём прадеде, что «до самой кончины своей он не мог без трепета слышать звон колокольчика».

При этом император настойчиво выстраивал централизованную вертикаль власти:

«За период царствования Павла I было издано всего 2 179 законодательных актов, или в среднем около 42 в месяц. За 34 с половиной года правления Екатерины II — 5 948, в среднем 12 в месяц. Общим духом, стержнем сотен новых указов была централизация, самодержавие. Серия мер заменила коллегиальный принцип (там, где он ещё существовал) единоличным. Выстраивалась железная линия подчинения: император — генерал/прокурор — министр (или управляющий соответствующим ведомством) — губернатор».

В результате было фактически «сведено на нет» содержание ключевых статей екатеринской «Жалованной грамоты» — документа,

гарантирующего дворянам многие вольности. С ноября 1796 г. её гарантии оказались резко ослаблены, что в сочетании с арестами знати повлекло за собой создание условий для консолидации элиты против Павла. При этом, видимо, Павел мог бы найти способы напрямую опереться на народ, среди которого был популярен. Так, Эйдельман приводит воспоминания современника: «гвардейский юнкер павловских времён на старости лет вспомнит — «Павел любил, чтоб его называли отцом отечества.., желая вызвать к себе любовь черни».

И действительно, убийство Павла I — это едва ли не единственный государственный переворот, от начала до конца осуществлённый высшей знатью, офицерами и генералами. Беннигсен писал: «Успей Павел спастись бегством и показись он войскам, солдаты бы его сохранили и спасли». А вот гатчинские офицерские кадры оказались не самой надёжной опорой. Так, одному из самых доверенных павловских военачаль-

ников, полковнику «гатчинского войска» Е. Грузинову идеалом управления страной представлялся «преблагой, пресправедливый, всесвободный Сенат». Быть может, если бы в Гатчине меньше занимались военной мушткой и шагистикой, и больше — идеологическим просвещением личной гвардии Павла, то удалось бы создать массовый субъект, на который император мог опереться в замысленных масштабных политических преобразованиях.

Заговор против Павла I

Свержение Павла I было бы невозможно без отсечения от государя его «ближнего круга». Это произошло в результате нескольких «малых переворотов» в близком окружении императора, предшествовавших свержению.

Сразу после коронации нового императора Павла I его прежнюю фаворитку, Екатерину Нелидову, сменяет Анна Лопухина. Её отец — Пётр

Васильевич Лопухин, опираясь на свои старые связи с канцлером Безбородко, продвигается по службе и переезжает в Петербург. Это потянуло за собой цепь крупных отставок и назначений. Лопухин занимает место генерал-прокурора, которым ранее был брат ближайшего друга Павла, князь Алексей Куракин. Именно Лопухин позже тормозил расследование крупного заговора в военной среде, которое проводил Ф.И. Линденер. Вместе с Нелидовой был отправлен в «отставку» её родственник, генерал-губернатор Петербурга Фёдор Фёдорович Буксгевден, а на его месте оказался будущий «технический директор» убийства императора — граф Пётр Алексеевич Пален, тесно связанный с братьями Зубовыми. *«В архиве Н.К. Шильдера сохранились материалы, свидетельствующие о том, что и Пален был из «клана Зубовых». Среди бумаг Платона Зубова за 1792–1793 гг. имеются доверительные письма и прошения Палена по разным делам».* Одновременно ослабевало политическое

влияние императрицы Марии Фёдоровны, имевшей близкие отношения с Куракиными и Нелидовой.

После «малых переворотов» последовали новые крупные заговоры. Фактически всё короткое царствование Павла I можно рассматривать как единый длящийся заговор.

Условно разделим свержение Павла на 2 этапа, «малые перевороты» были прологом этих этапов.

Первый этап: заговор «молодых друзей» цесаревича и военных

Центром заговора в военной среде, по-видимому, были братья Валериан, Николай и Платон Зубовы. По версии М. Сафонова, вражда Зубовых и Павла I возникла в период окончания военной кампании в Персии. Павел отдал приказ отступать, минуя главнокомандующего войсками Валериана Зубова, который

в результате чуть было не оказался в плену со всем своим штабом. Спас Зубова от плена генерал Платов, за что сам попал в опалу. Вместе с Зубовым в Персии (а до этого — в Польше) воевал и будущий убийца Павла I — граф Леонтий Беннигсен, а также генерал Александр Ермолов (его отец был правой рукой В. Зубова), брат организатора заговора офицеров в Смоленске Каховского. Костяк заговора военных, таким образом, состоял из товарищей Валериана Зубова.

По Сафонову, на первом этапе существовало три основных центра заговорщиков.

Заговор внутри ближайшего круга Суворова (Наталья Александровна, дочь Суворова, была замужем за Николаем Зубовым). Приближённым Суворова был полковник А.М. Каховский, теснейшим образом связанный с Зубовыми. Каховский планировал поднять на мятеж части Новороссии, подчинённые Суворову, получить подкрепления от своего дяди В.Л. Давыдова в Полтаве и Киеве,

а затем двинуться на Петербург свергать Павла I. Сам Суворов в попытке мятежа не участвовал (и, скорее всего, о нём не знал).

В 1797–1799 гг. действовал антипавловский кружок «молодых друзей» наследника престола, в который входил сам цесаревич Александр, его жена Елизавета Алексеевна и представители высшей знати Петербурга: А. Чарторыйский, Н.Н. Новосильцов, П.А. Строганов, В.П. Коцубей. Кроме них, в кружок входил и канцлер А.А. Безбородко. Чарторыйскому принадлежит авторство манифеста о конституционном устройстве России.

Есть серьёзные основания полагать, что офицеры Петербургского драгунского полка, расквартированного в Смоленске, планировали свержение Павла I в пользу Александра. Инспектор кавалерии Ф.И. Линденер, опираясь на доклад, составленный шефом полка Мещерским, установил, что «в течение нескольких лет в Смоленской губернии действовал анти-

правительственный кружок. Ядро кружка — «канальский цех» — составляли 8–10 человек. Связанных же с кружком лиц насчитывалось около трёх десятков. Главными действующими лицами здесь были Каховский и исключённый из службы бывший командир Петербургского полка полковник П.С. Дехтерев. В кружок входили сменивший его на этом посту полковник Киндяков, офицер того же полка полковник И. Бухаров, подполковник А.П. Ермолов, командовавший ротой 2-го артиллерийского батальона, капитан В.С. Кряжев, адъютант и управляющий канцелярией смоленского военного губернатора. Им покровительствовали шефы Петербургского полка генерал-лейтенант П.И. Боборыкин и генерал-майор Д. Тараканов».

Следствием была установлена связь основных участников «канального цеха» с Зубовыми. Однако влияние «молодых друзей» наследника и генерал-прокурора Лопухина помешало Лин-

денеру докопаться до корней смоленского заговора, тянувшихся в Петербург.

Все три заговора были раскрыты, о результатах следствия было доложено Павлу I. К 1799 г. друзья наследника один за другим отправляются в отставку или высылаются из страны.

Внешнеполитические аспекты последнего заговора против Павла I

Сложная внешнеполитическая ситуация, в которой оказалась Россия Павла I на рубеже XIX века, не могла не оказаться важным фактором политической войны вокруг российского императорского трона. Обстоятельный анализ этой ситуации требует отдельного исследования и выходит за рамки данной работы.

Здесь лишь отметим значение таких процессов и событий, как:

- ослабление антифранцузской коалиции России с Великобританией, Австрией, Турцией, Королевством Обеих Сицилий после освобождения

в 1799 г. Северной Италии от армий Бонапарта войсками Суворова;

- разрыв антифранцузского союза Российской империи с Англией после захвата британским флотом Мальты в сентябре 1800 г. (что Павел I как гроссмейстер Мальтийского ордена счёл личным и государственным оскорблением);
- заключение Россией союзного договора с Пруссией, Швецией и Данией в декабре 1800 г. на условиях «вооружённого нейтралитета в отношении Англии»;
- начатая Павлом I в конце 1800 г. подготовка заключения с Бонапартом антибританского военно-политического союза.

Эти процессы и события не могли не сказаться на перипетиях борьбы пропруссских, профранцузских, пробританских групп вокруг российского трона. Одним из наиболее ярких публичных проявлений этой борьбы стала подготовка совместного российско-французского похода на колони-

альную «жемчужину британской короны» — Индию. Отметим, что и некоторые современники, и некоторые историки называли замысел этого похода «безумным». Отметим также, что предыдущий «безумный план» похода России в Индию через Персию разрабатывался Беннигсеном и назывался «естественный план проникновения на восток Екатерины II». Этот поход под командованием Валериана Зубова был остановлен Павлом сразу после смерти матери.

Новый план «индийского похода» Павла имел очевидный смысл. К 1801 году отношения с Англией движутся к войне (уже идёт её торговая блокада), и возникает необходимость отсечь потенциального врага от ресурсов важнейшей колонии. Кроме того, было необходимо обезопасить Камчатку от возможных посягательств английского флота. Был в этом плане и ещё один немаловажный аспект. Поход в Индию рассматривался даже не столько как военная операция, сколько как совместная с новым союзником На-

полеоном Бонапартом культурная миссия. Эйдельман отмечает: «*Как и в египетском походе, в армии будут находиться инженеры, художники, учёные, предусмотрена даже окраска продаваемых сукон, «особенно любимая азиатами», и пиротехника для эффектных праздников*». Сроки похода были вполне реалистичными: не более чем через 5 месяцев (т.е. к сентябрю 1801 года) союзники вполне могли достичь цели.

Для Англии возникала остройшая угроза. Так что вовсе не случайно одним из ключевых участников последнего заговора против императора Павла I стал британский посол в Петербурге лорд Чарльз Витворт.

Второй этап: заговор Палена при поддержке Англии

*И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,*

*Он видит — в лентах и звёздах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаённы,
На лицах дерзость, в сердце страх.*

А.С. Пушкин

Успех Суворова в Италии работал на авторитет «царя-рыцаря». Первая волна заговора отхлынула, окружение наследника и сам цесаревич изолированы, кружок «молодых друзей» распался.

Однако уже вскоре оказался оформлен новый этап противостояния Павла и элиты. Современники называли следующих лиц, стоявших во главе заговора: Панин, Жеребцова, де Рибас, Беннигсен, Зубовы, Витворт. По Эйдельману, «общее число людей, вовлечённых в заговор, по разным оценкам, составляет от 180 до 300 человек». То есть это очень существенная часть российской знати той эпохи.

Перечислим основных фигурантов ядра заговорщиков.

Идеологом заговора был граф Н.П. Панин. Воспитанный просвещённым дядей (воспитателем Павла I), он усвоил его образ мыслей и стремился к ограничению абсолютной монархии аристократическим парламентом и конституцией. Панин не желал смерти Павлу, но мстил ему за то, что он отошёл от политики ограничения самодержавия.

Пётр Алексеевич Пален — «технический директор» подготавливаемого заговора. Генерал от кавалерии (1798), один из ближайших приближённых Павла I. В 1798–1801 гг. — петербургский военный губернатор, до этого — правитель Рижского наместничества (1792–95) и первый генерал-губернатор Курляндии (1795). В августе 1800 года был уволен с должности губернатора, но 21 октября вновь был назначен военным губернатором столицы.

Эйдельман так раскрывает метод, с помощью которого Пален организовывал заговор: он, «держа в резерве когорту недовольных, зон-

дируя, прощупывая именно тех, кто «молчит и действует», до поры не открывает замыслов и почти никого не осведомляет о конкретном плане, сроке, даже целях, например, объясняется с близкими соучастниками насчёт регентства, сохранения жизни Павла при внутренней убеждённости, что царя надо убить».

Технология формирования круга заговорщиков была проста. Император отправлял в ссылку или подвергал взысканиям офицеров, знать, потом Пален ему подавал прошения об их помиловании. Павел миловал, проштрафившегося возвращали на службу. Так заговорщики получали нового сообщника для переворота.

Ольга Александровна Жеребцова, сестра Платона Зубова, принимала у себя заговорщиков, занималась связями заговорщиков с английскими интересантами.

Следующий заговорщик — английский посол с 1788 г. дипломат лорд Витворт, дружески и интимно связанный с Жеребцовой. Активно вклю-

чился в заговор с осени 1799 года, после распада коалиции Англии и России против Франции. Англия субсидировала заговорщиков через Жеребцову. Но «английское золото» — это хотя и важный, но дополнительный элемент напряжённых отношений элиты и Павла I. Хотя, конечно, нельзя недооценивать стремление Англии разрушить крайне опасный союз Наполеона и России, грозивший лишением колоний и блокадой.

Граф Де Рибас Осип Михайлович был активным участником заговора, но скончался накануне переворота (существует версия, что он был отравлен Паленом).

Зубов Платон Александрович — фаворит Екатерины II. Влиятельный царедворец, обладавший обширными связями, был необходим заговорщикам.

Зубов Николай Александрович, граф — зять Суворова. Вовлечён в заговор из-за семейных связей и положения в военной среде.

Зубов Валериан Александрович — активно

формировал заговор в военной среде.

Беннигсен Леонтий Леонтьевич — командир Изюмского легкоконного полка. Был сослан Павлом, затем, в начале 1801 года, граф Пален возвратил Беннигсена в Петербург.

Аргамаков Александр Васильевич — племянник Дениса Фонвизина, был полковым адъютантом Преображенского полка и плац-майором Михайловского замка. Он провёл заговорщиков во дворец и покой Павла.

Муравьёв-Апостол Иван Матвеевич — был автором одного из нереализованных проектов конституции.

Будущий самодержец Александр Павлович благосклонно принимал и планы заговорщиков по отстранению Павла I и конституционные проекты.

По одной из версий, Пален накануне убийства показал Александру подписанный Павлом Указ о заключении под стражу императрицы, его самого и брата, Константина. Александр дал согла-

сие на переворот, но просил передвинуть дату восстания с 10-го на 11 марта, мотивируя это тем, что на дежурство заступит надёжный Семёновский полк. В этот день император принимает решение об экспедиции с французами в Индию, начиная с весны 1801 года.

В ночь с 11 на 12 марта Семёновский 3-й батальон (его шефом был цесаревич Александр) заменил собою Преображенский батальон, занимавший караулы в замке. Эта смена совершилась под тем предлогом, что 12 марта Павел I должен смотреть плац-парад Преображенского полка.

В ночь перед убийством заговорщики собрались в доме у Палена. «Мы застали комнату полной офицеров, — рассказывает Беннигсен, — они ужинали у генерала, причём большинство находилось в подпитии. Все были, по меньшей мере, разгорячены шампанским, которое Пален велел подать им (мне он запретил пить и сам не пил)». У Палена собралось до 60 человек. Платон Зубов объявил собравшимся план

свержения (ареста) Павла, ссылаясь на волю Александра. Предварительно было решено заключить Павла в Шлиссельбургскую крепость.

Решили двигаться двумя колоннами. Первую колонну — «официальную группу» — возглавил Пален. Она во главе с генерал-губернатором должна была обеспечить легальное прикрытие переворота. Вторую группу (она же — «ударная колонна») — возглавил Беннигсен. Ударную колонну Зубова—Беннигсена сопровождал к Михайловскому замку капитан Аргамаков, он же провёл убийц в покой Павла. В комнате императора оказалось 14 человек — участников и свидетелей убийства императора. По свидетельству Беннигсена, последними словами Павла I были: «Я умру вашим императором!».

Было объявлено, что государь скончался от апоплексического удара. Супруга Павла, Мария Фёдоровна, после объявления о его смерти заявила, что коронована и должна теперь царствовать подобно Екатерине II. До пяти утра

она не признавала власть нового императора Александра Павловича. Беннигсен заявил императрице: «Мадам, не играйте комедию».

* * *

Заговорщиков не интересовало установление конституционного строя. Александр не ввёл конституцию, хотя и обещал (так же, как Павел), но у власти удержался. Александр развернул внешне-политический курс страны, Россия снова стала союзницей Англии и врагом Франции. Геополитические проекты Павла были заброшены.

Александр также отбросил наработки Павла I, связанные с построением элиты нового образца, рыцарского ордена, способного стать опорой Отечества. Заговорщиков новый император удалил от двора. Однако знаменательно то, что некоторые из них стали воспитателями следующего поколения революционеров-заговорщиков. Например, Пестеля называли воспитанником Палена.

О военном перевороте 1976 года в Аргентине

Аргентинский кровавый «эксперимент» показал, что провести антинародные радикально-рыночные «реформы» в условиях активного сопротивления можно, только применяя механизм террора против собственного народа

Исабель и Хуан Перон

Генерал Видела

Лопес Рега — лидер аргентинских «эскадронов смерти»

Хорхе Видела и Хорхе Сорреьета

Хорхе Видела и Хосе Мартинес де Осма

Трагические события на Украине, сотрясающие эту страну на протяжении последних почти двух лет, заставляют нас внимательнее присмотреться к тем страницам мировой истории, где наиболее ярко представлен механизм государственного переворота при активном участии внешних сил. И где видны тяжёлые последствия утери государственного суверенитета и обострения конфликта внутри общества, расколотого на два непримиримых лагеря.

Обратимся к одному из военных переворотов, произошедших на латиноамериканском континенте весной 1976 года.

Во время диктаторского правления генерала Хуана Доминго Перона, ставшего президентом Аргентины в 1946 году, для спасения страны от социальных и экономических потрясений властью были выдвинуты инициативы, направленные на построение более плотных коммуникаций с различными слоями населения страны.

Например, через созданные сверху обще-

ственные организации и профсоюзы было инициировано широкое движение, основной целью которого стало привлечение рабочих и представителей среднего класса в общественно-политическую жизнь государства.

Перон последовательно проводил экономическую политику, ориентированную на индустриализацию, защиту национальной промышленности и государственное регулирование. Были национализированы и выкуплены крупные предприятия и целые отрасли, принадлежавшие иностранному капиталу.

Социальная политика государства была ориентирована на перераспределение доходов между богатыми и бедными с одновременным развитием социальных институтов вертикальной мобильности. В стране за достаточно короткий срок была ликвидирована безработица, повышена зарплата, заработала система государственного здравоохранения.

В своих книгах Перон представлял свою идео-

логическую позицию («перонизм» или «хутициализм»), как «третий путь между капитализмом и социализмом», призванный объединить разнородное аргентинское общество. В результате реформ, проведённых диктатором, Аргентина сделала экономический рывок, были сформированы системы социального страхования и социального обеспечения.

Несмотря на то, что Перон за годы своего правления (с 1946-го по 1955-й и с 1973-го по 1974-й) приобрёл немало сторонников среди национальной буржуазии, из-за своей социально ориентированной политики он нашёл в эlite и достаточно много врагов. Среди них оказались крупные промышленники и финансисты, ориентированные на иностранный капитал, землевладельцы, католическая церковь и часть армии.

Этот элитный раскол, а также ухудшение экономической ситуации в стране дважды повлияли на судьбу Перона и его сторонников.

Так, в сентябре 1955 года в результате перево-

рота, осуществлённого при поддержке католической церкви, диктатор был свергнут военными, которые на 18 лет наложили запрет на возвращение перонистской партии к власти. По одной из версий, Перон сам подал в отставку, дабы «не допустить гражданской войны», ибо его поддерживали часть военных и основная масса трудящихся.

В стране к власти пришёл новый диктатор, воспользовавшийся результатами проведённых реформ. При этом «перонизм» оставался популярным политическим течением.

В 1973 году в Аргентине были проведены свободные выборы, на которых победили сторонники Перона. И в сентябре 1973-го Хуан Перон вновь становится президентом страны, а его вторая жена Исабель Мартинес де Перон — вице-президентом.

Компрадорская часть аргентинской элиты с таким положением дел была не согласна, и она стала искать возможности по дискредитации

«перонистов». Так, в Аргентине появляются созданные спецслужбами США «коммунистические партизанские отряды», якобы связанные с «левыми перонистами» и совершившие по всей стране террористические атаки. На настроениях трудящихся отразился и мировой экономический кризис 1973 года, который сильно ударили по экономике Аргентины.

1-го июля 1974 года умирает Хуан Перон, на досрочных выборах побеждает его жена Исиабель. Первоначально народ, включая радикальные группы, поддерживал нового президента. Однако, народная любовь продлилась всего несколько месяцев. Вскоре по стране прошла волна увольнений чиновников, придерживавшихся левых взглядов. Ключевые посты стали занимать крайне правые политики. Вслед за громкими политическими убийствами левых оппозиционеров начались забастовки трудящихся. Рабочие были также недовольны нападками некоторых представителей новой власти на като-

лическую церковь.

Для укрепления своих властных позиций Изабель Перон привлекает на свою сторону военных. В 1975 году главнокомандующим аргентинской армией стал будущий диктатор генерал Хорхе Видела.

Известно высказывание генерала, относящееся к тому времени и характеризующее его подход к укреплению национальной безопасности: «*Очень много людей должны умереть в Аргентине для того, чтобы страна снова была безопасна*». К сожалению, этот подход и был реализован в дальнейшем на практике.

Понимая всю слабость правительства Изабель Перон, Видела при активной поддержке США организовывает военный переворот. Из его ближайшего окружения важную роль в тех событиях играют адмирал Эмилио Массера и генерал Орландо Рамон Агости.

23-го марта 1976 года Изабель Перон была арестована и отстранена от должности президен-

та. Большинство чиновников из её окружения было отправлено в отставку.

В этот же день с обращением к народу выступил генерал Хорхе Видела. Он заявил, что тяжёлая экономическая обстановка и усилившиеся набеги со стороны «левых» партизан стали причиной смены власти.

Среди первых шагов хунты были роспуск парламента и введение в Аргентине военного положения. Вся законодательная власть теперь сосредоточилась в руках девяти членов Военной комиссии. В стране происходит массовое закрытие гражданских судов и политических партий, расформировываются профсоюзы, запрещаются забастовки. Все аргентинцы, чьи взгляды расходятся с позицией новой власти, признаются врагами государства.

В рамках реализации «процесса национального возрождения» на протяжении почти шести лет (!) хунта последовательно организует террор против собственного населения. Война с инако-

мыслящими ведётся по всей стране. И эти действия аргентинских властей получили активную поддержку со стороны США.

Уже в октябре 1976 года в Вашингтоне произошла встреча госсекретаря Генри Киссинджера и вице-президента Нельсона Рокфеллера с министром иностранных дел Аргентины Сесаром Гуззетти. В ходе встречи американские политики полностью одобрили действия хунты по борьбе с оппозицией. И это стало началом одного из самых трагических периодов в истории Аргентины, получивших название «грязная война».

В ходе этой войны левые интеллектуалы, профсоюзные и оппозиционные лидеры подвергались массовым истреблениям, многих из них предварительно пытали. Для этих целей в Аргентине было отведено триста сорок специальных секретных тюрем.

Для войны с повстанцами были организованы спецподразделения — «эскадроны смерти», уничтожавшие оппозиционеров и их семьи. Са-

мой изощрённой казнью в Аргентине того времени были так называемые «полёты смерти» — людей сбрасывали с летящего над Атлантическим океаном самолёта. По самым скромным подсчётам «грязная война» унесла около 15 тысяч жизней.

Кроме этого аргентинская хунта стала участницей операции «Кондор», в рамках которой американские спецслужбы совместно с репрессивным аппаратом латиноамериканских диктатур уничтожали лидеров левых движений.

Запад помогал также разрушать экономику Аргентины.

Команда генерала Виделы реализовывала неолиберальную экономическую программу «чикагской школы» М. Фридмана, предполагавшую приватизацию государственного сектора и открытие внутреннего рынка для международного капитала.

Учитывая способы реализации хунтой «Режима Национальной Реорганизации» можно сде-

лать вывод, что народ Аргентины стал заложником более глобального миропроектного плана.

С начала 60-х годов транснациональная элита начинает понимать, что существующая капиталистическая система исчерпала свой ресурс развития и будущее человечества может быть связано с коммунистическим проектом, преимущество которого демонстрировали успехи Советского Союза.

Тогда международной олигархией в качестве новой миропроектности была предложена «остановка развития».

Впервые концепция остановки развития былазвучена в сентябре 1965 года в Национальном военном колледже Буэнос-Айреса, где известный бизнесмен и будущий основатель Римского клуба Аурелио Печчеи прочёл лекцию «Вызов 70-х годов современному миру».

В своей лекции А. Печчеи заложил основы «глобального плана» по остановке развития. Двумя годами позже эта лекция была доработа-

на и опубликована в виде концептуального труда «Перед бездной». В книге автор уже предлагал план, названный впоследствии «Концепцией устойчивого развития». В этой концепции под видом заботы о будущем человечества фактически обосновывается необходимость уничтожения национальных государств, деиндустриализация экономик, декультурология и депопуляция человечества.

Идеи, выдвинутые Аурелио Печчеи, получили дальнейшее развитие в докладе Римского клуба «Человечество на перепутье», в котором была представлена концепция будущего «многоэтажного человечества» в виде искусственного разделения мира на «цивилизованное ядро» и «отсталую периферию».

Так вот, после военного переворота 1976 года разворот национальной экономики Аргентины в сторону остановки развития осуществлялся через реализацию жёсткой неолиберальной модели с «отключением» любого государственного

регулирования. В таких условиях национальная экономика в короткие сроки стала добычей крупного иностранного капитала и местной компрадорской буржуазии.

Поскольку патриотическое и гражданское сопротивление в Аргентине было сильно, перевод на неолиберальную модель осуществлялся с помощью военно-диктаторского режима и террора.

Опорной базой хунты были: средний класс, армия, крупный бизнес, интеллигенция, католическая церковь.

Влиятельные позиции в крупном бизнесе и правящем классе Аргентины занимали латифундисты — потомки бывшей колониальной аристократии, захватившей плодородные земли и пастбища (ранее принадлежавшие индейским общинам).

Заметим, что индустриализация, проводимая бывшим диктатором Пероном, не соответствовала их интересам. Для защиты свое-

го бизнеса аргентинские помещики объединились в общественную организацию Сельскохозяйственное общество. Во главе этого корпоративного объединения стоял сельскохозяйственный олигарх Хосе Мартинес де Ос, который затем уступил эту должность Хорхе Соррегьета.

После военного переворота 1976 года де Ос стал министром экономики, а Хорхе Соррегьета — министром сельского хозяйства. Эти крупные фигуры были связующим звеном между «кланом генерала Виделы» и частью западной элиты, оказывавшей хунте экономическую поддержку.

Первое, что сделали де Ос и Соррегьета после военного переворота — ликвидировали для латифундистов налоги на экспорт сельскохозяйственной продукции. Хорхе Соррегьета осуществлял лоббирование интересов крупных агариев с опорой на транснациональный капитал.

Из рассекреченных документов государственного департамента США следует, что хунта

работала в плотной связке с представителями западного капитала. Так, Хосе Мартинес де Ос, представлявший богатейшую землевладельческую семью в Аргентине, был личным другом Дэвида Рокфеллера и щедро финансировался «Чейз Манхэттен Бэнк». Фактически через эти группы осуществлялся контакт глобальных и компрадорских элит, при которой компрадорские элиты выполняли роль «служанки».

Хунта «открыла двери» Аргентины для международных банков и получила в ответ немалые кредиты, которые пошли в основном на вооружение армии и обогащение национальной элиты. Среди кредиторов были МВФ, Всемирный банк, частные банки США.

В результате начавшегося процесса скупки земельных владений иностранными корпорациями и инвестиционными фондами (в союзе с местными группами) миллионы гектаров земли были использованы самым варварским способом в индустрии биотоплива, крупного производства сои,

кукурузы и сахара.

Спустя несколько лет Всемирный банк признал, что из 35 миллиардов долларов — займов, предоставленных в то время Аргентине, 19 миллиардов были переведены за пределы страны и осели на частных счетах (в основном, в Швейцарии). Так, ФРС США опубликовала данные, согласно которым в 1980 году долг Аргентины вырос на 9 миллиардов долларов, при этом активы аргентинских граждан за границей увеличились на 6,7 миллиарда.

Таким образом, государственная власть превратилась в инструмент грабежа населения Аргентины в пользу международной и компрадорской элиты. Хунта осуществила и поощряла разворот страны на путь неразвития.

Военная диктатура генерала Хорхе Виделы существовала благодаря действиям репрессивного аппарата и за счёт поддержки американцев. Постепенно в окружении Виделы назревал конфликт. В результате 29-го марта 1981 года гене-

рала вынудили оставить пост президента страны. Следующие два года сменилось ещё несколько лидеров во главе хунты.

В 1982-м Аргентина и Великобритания находились в состоянии войны за Фолклендские острова. Поражение стало ещё одним козырем в руках левой оппозиции в организации протестов против власти военных.

В марте 1983-го по улицам Буэнос-Айреса прошли массовые демонстрации против военно-правительства. И в конце этого же года хунта была свергнута, к власти пришёл новый президент Рауль Альфонсин. Вскоре многие члены хунты оказались преданы суду. А в 1985 году суд приговорил Виделу к пожизненному заключению.

В результате анализа действий аргентинской хунты в 1976 году и других военных переворотов на латиноамериканском континенте можно выделить общие черты, присущие организации незаконного захвата власти в стране с опорой на зарубежные силы. Именно эти черты мы на-

блюдали на Украине в конце 2014 – в начале 2015 годов.

В первую очередь, простраивается связь между элитой, находящейся в оппозиции к официальной власти, и её зарубежными покровителями.

Затем при активной помощи из-за рубежа происходит дестабилизация политической ситуации в стране, заканчивающаяся государственным переворотом.

Следующий шаг — жестокое подавление политической оппозиции и разграбление экономики страны под видом «либеральных реформ» при непосредственном участии зарубежных «спонсоров».

Реализация проекта под названием «Остановка развития» началась в 1960-е годы и продолжается сейчас. События, происходящие в настоящее время на Ближнем Востоке и Украине, имеют очень схожий сценарий и во многом тождественны событиям в Латинской Америке

50–70-х годов прошлого века. Параллели с Украиной не случайны. Украинская хунта ведёт себя так же, как и аргентинская: госпереворот с опорой на часть Запада, геноцид собственного народа, разрушительные экономические реформы...

Аргентинский кровавый «эксперимент» показал, что провести антенародные радикально-рыночные «реформы» в условиях активного сопротивления можно, только применяя механизм террора против собственного народа. «Наследие» хунты до сих пор так и не преодолено — около 40% аргентинцев живёт ниже черты бедности. Социальная дифференциация увеличилась в разы.

Необходимо изучать и помнить такие трагические страницы мировой истории, дабы избежать их повторения в настоящем и будущем.

Кирилл Соболев